

СЛОВО О СКОВОРОДѢ,

по поводу рецензіи на его сочиненія, въ «Русскомъ Словѣ».

Въ нашей текущей литературѣ случается, что писатель, особенно рецензентъ какой-нибудь выходящей книги, произноситъ рѣшительнымъ тономъ знатока сужденія и даже осужденія надъ предметами, которыхъ не изучалъ, надъ которыми прежде не думалъ, которыхъ вовсе не знаетъ. Сверхъ-того, у насъ стало входить въ обычай печатно бросать грязью въ дѣятели мысли и слова, оскорблять ихъ личность, не считая необходимымъ даже сколько-нибудь объяснять—какой поводъ подали эти лица такъ презрительно обращаться съ ними. Быть можетъ, нѣкоторые думаютъ, что они этимъ творятъ поклоненіе призраку гласности? По нашему мнѣнію, отозваться неуважительно, хотя бы и слегка—вскользъ—о какой либо личности въ печати, мы вправе или тогда, когда эта личность была прежде обличена достаточно и поражена невыгоднымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія, или-же когда мы сами представляемъ несомнѣнные доказательства ея виновности предъ судомъ общества. Иначе, это будетъ оскорбленіе не только тѣмъ, на которыхъ незаслуженно мы нападаемъ, но и обществу. Какое мы имѣемъ право ожидать, чтобъ общество, не требуя отъ насъ доказательствъ и объясненій, одобряло оскорбленія, которыя мы наносимъ его членамъ? Эти мысли пришли намъ, когда мы, перелистывая VII книгу «Русскаго Слова», встрѣтили въ ней рецензію «сочиненій» въ стихахъ и прозѣ *Григорія Савича Сковороды*, подписанную буквами В. К.—овскій. Рецензентъ, приводя слова издателя сочиненій Сковороды: «которыя (сочиненія) считались народными», ставитъ два вопросительныхъ знака, приводитъ затѣмъ нѣсколько стиховъ и потомъ произноситъ такіе возгласы: «но вотъ-что за мысль терзала насъ неотступно сначала книги до самого конца: для чего и кого неизвѣстный издатель Сковороды издавалъ въ свѣтъ

всю эту схоластическую ерунду, семинарскую мертвечину? Кому какое до нея было дѣло?»

Стихи Сковороды чрезвычайно—плохи и уродливы и могутъ сравниться, по художественности, развѣ съ безсмертными произведеніями *Василія Кириловича*: тѣмъ не менѣе рецензентъ напрасно поставилъ два вопроительныхъ знака. Мало можно указать такихъ *народныхъ* лицъ, какимъ былъ Сковорода, и которыхъ бы такъ помнилъ и уважалъ народъ. На всемъ пространствѣ отъ Острогояска (Воронежской губ.) до Кіева, во многихъ домахъ, висятъ его портреты; всякій грамотный малороссіянинъ знаетъ о немъ; имя его извѣстно очень многимъ изъ неграмотнаго народа; его странническая жизнь—предметъ разсказовъ и анекдотовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, потомки, отъ отцовъ и дѣдовъ, знаютъ о мѣстахъ, которыя онъ посѣщалъ, гдѣ любилъ пребывать и указываютъ на нихъ съ почтеніемъ; доброе расположеніе Сковороды къ нѣкоторымъ изъ его современниковъ составляетъ семейную гордость внуковъ; странствующие слѣпцы усвоили его пѣсни; на храмовомъ праздникѣ, на торжищѣ, нерѣдко можно встрѣтить толпу народа, окружающую группу этихъ рансодовъ и со слезами умиленія слушающихъ: *всякому граду свой правъ и права*. До какой степени пѣсни Сковороды сдѣлались народными во всей южнорусской странѣ, можно судить потому, что нѣкоторыя вошли въ собраніе Галицкихъ пѣсенъ Вацава зъ Олеска и Жеготы Паули, безъ сознанія самихъ собирателей; что эти пѣсни сочинены Сковородою.

Сочиненія Сковороды не нравятся рецензенту; не нравятся они, быть-можетъ, и намъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что они не имѣютъ никакого достоинства и что не надобно ихъ печатать. Значеніе писателя прошедшаго времени измѣряется или по эстетическому достоинству, или по его вліянію на свой вѣкъ, по степени въ какой онъ выражаетъ направленіе, нравственное состояніе окружающей его среды, по вѣстимости въ немъ уметвенныхъ требованій и вкуса современниковъ. Рецензентъ полагаетъ, что слѣдуетъ довольствоваться первымъ, а все, что намъ не нравится, предавать забвенію. Такъ у насъ и дѣлаютъ: въ архивахъ, мыши и сырость поѣдали старыя дѣла; ханжи замазывали древнія фрески въ храмахъ; губернаторы разбирали, для лучшаго вида въ городѣ, старинныя зданія; кухарки пекли аладьи на листахъ сборниковъ XIV-го и XV-го вѣковъ. Благодаря всему этому, мы такъ мало знаемъ свою старину. И теперь еще многое

лежить подъ снудомъ: пусть себѣ лежитъ! по мнѣнію рецензента, нѣтъ никому дѣла до этой «ерупды и мертвечины». Но вѣдь и многое изъ древнихъ памятниковъ, драгоценныхъ для насъ по выраженію своего вѣка, само-по-себѣ—безотносительно къ исторіи—можетъ показаться, сообразно нашимъ эстетическимъ воззрѣніямъ, хуже виршей и посланій Сковороды... Зачѣмъ же издавать его?... Такъ по вашему??

Нашедши у Сковороды такіе стихи:

Убій злую волю, братъ,

Такъ упразднишь увесь адъ,—

рецензентъ говоритъ:

«Григорій Савичъ особенно не долюбиваетъ воли, каковое качество, впрочемъ, для такого мудреца весьма почтенно». «Но довольно! Бога ради, довольно!!», слышу я возгласы нетерпѣливаго читателя, которые имѣють на меня дѣйствіе холоднаго дѣла,—и я останавливаюсь.»

Рецензентъ вообразилъ себѣ, что Сковорода преслѣдовалъ уметвенную и гражданскую свободу, тогда-какъ Сковорода говоритъ о *злой волѣ*, то-есть о дурныхъ и порочныхъ наклонностяхъ. Тутъ-то рецензентъ и попалъ впросакъ! Григорій Савичъ Сковорода былъ поборникомъ свободы въ сферѣ религіозной, нравственной, гражданской, терпѣлъ за то гоненіе и, не уживаясь въ деспотизмѣ окружающей его среды, обрекъ себя на скитальческую жизнь. Ханжество, низкопоклонничество, угнетеніе слабыхъ, лѣнь барства, постоянно находили въ немъ смѣлаго обличителя. Всѣ народныя рассказы о немъ, переходящіе изъ устъ въ уста, отъ поколѣнья къ поколѣнью, изображаютъ его такимъ. Даже въ извѣстной пѣснѣ «*Всякому граду правъ и права,*» онъ громитъ и того, «*кто для чиновъ улы панскіе третъ*» и пона, безъ христіанской добродѣтели, исполняющаго одинъ виѣшній обрядъ, и ханжу-пана, который «*на нищихъ роздалъ сто рублей, что содралъ съ подданныхъ бѣдныхъ людей, — и всякого вышного шчо нижного тне, и дужного шчо недужного давить и жме*. Какъ проповѣдникъ правды и добра, Сковорода сталъ народнымъ идеаломъ мудреца. Можетъ-быть, теперь уже надобно отличать Сковороду дѣйствительнаго отъ Сковороды идеальнаго, народнаго; но нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній образъ возникъ изъ перваго, а потому нельзя не поблагодарить за изданіе его сочиненій. Мы надѣемся поговорить подробнѣе объ этомъ, въ высшей степени замѣ-

чательномъ, лицѣ, когда будемъ владѣть достаточнымъ запасомъ свѣдѣній объ умственномъ развитіи южнорусскаго народа въ XVIII вѣкѣ: только въ связи съ нимъ можно оцѣнить Сковороду.

Въ заключеніе, рецензентъ «Русскаго Слова,» задавъ себѣ вопросъ: для кого издаются такія сочиненія, выбралъ трехъ подписчиковъ и покрылъ ихъ своимъ презрѣніемъ: первый изъ нихъ — г. Аскоченскій; второй — г. Данилевскій; третій — г. Срезневскій... Вотъ-что говоритъ смѣлый критикъ: «все понятно! Понятно и высокое достоинство произведеній Сковороды, и сочувствіе ему такихъ именитыхъ людей какъ гг. Данилевскаго, Срезневскаго и Аскоченскаго. Веѣмъ имъ предстоитъ равное безсмертіе съ Григоріемъ Савичемъ Сковородой. И по заслугамъ!»

И. И. Срезневскій извѣстенъ намъ какъ труженикъ науки, оказавшій важныя, по нашему мнѣнію, услуги языкознанію и исторіи своими сочиненіями и изданіями. Вѣдь вы, г. рецензентъ, привели его имя наравнѣ съ издателемъ ханженской газеты, (предавшей анафемѣ и изданіе въ свѣтъ историко-литературныхъ памятникъ и всякій отѣнокъ мысли, съ нею не согласный), — не потому что г. Срезневскій подписался на изданіе сочиненій Сковороды: иначе за чѣмъ же вы пощадили бібліотеку харьковскихъ студентовъ, — которая подписалась на десять экземпляровъ? Да притомъ, вы бы никакъ не сѣшились поставить здѣсь на позоръ имени неизвѣстнаго вамъ какого-нибудь отставнаго полковника или вятскаго купца, подписавшагося на сочиненія Сковороды? Очевидно, вамъ хотѣлось бросить комкомъ грязи въ И. И. Срезневскаго. Надѣмся, что вы найдете совершенно умѣстнымъ нашъ вопросъ: *за что?* — потому что дѣятельность г. Срезневскаго какъ ученаго, литератора, профессора, академика, еще не была оцѣнена печатно и не подверглась осужденію общественнаго мнѣнія. Послѣ вашего неуважительнаго обращенія съ этимъ именемъ мы именно отъ васъ имѣемъ право этого требовать, если у васъ достанетъ столько свѣдѣній въ археологіи, филологіи, исторіи... Иначе, вы сами не должны оскорбляться если мы скажемъ вотъ-что: на васъ, г. В. К.-овскій, возгласы какого-то читателя имѣютъ дѣйствіе холодной души, а на насъ чтеніе вашей рецензіи производитъ дѣйствіе отвратительнаго запаха невѣжества и школьническаго нахальства.

И. Костомаровъ.

ЗАМѢТКА О ВОЗРАЖЕНІЯХЪ Г. МОРДОВЦОВА.

Въ 4-й книжкѣ *Основы* помѣщены были критическія замѣчанія г. А. П—аго на статью г. Мордовцова: «*Крестьяне въ югозападной Руси.*» Г. Мордовцовъ, отвѣчая въ іюльской книжкѣ *Русскаго Слова* другому своему критику, г. Костомарову, сказалъ мимоходомъ нѣсколько словъ и г. А. П—ому, и попрекнулъ его въ «панскихъ и арендаторскихъ» (!) понятіяхъ, которыхъ г. А. П—ій не имѣлъ и, по своимъ убѣжденіямъ, имѣть не могъ.

Г. Мордовцовъ, въ первой своей статьѣ, изображая бѣдственное состояніе крестьянъ югозападной Руси XVI в., въ доказательство приводилъ цифры платимыхъ ими повинностей и, переводя ихъ на нынѣшнія цѣны, опредѣлялъ этимъ всю тягость положенія крестьянъ.

Г. А. П—ій замѣтилъ ему, во-первыхъ, что повинности въ Украйнѣ были легче чѣмъ на Волынѣ, а между-тѣмъ авторъ имѣлъ ввиду только послѣднія; во-вторыхъ, что опредѣлять внутреннюю жизнь народа цѣнностію вещей, взятою въ отдѣльности, значитъ опредѣлять односторонне и недостаточно,—потому, что понятіе цѣнности не опредѣляетъ даже всѣхъ экономическихъ явленій жизни,—что извѣстная сумма цѣнностей удовлетворяетъ одного и не удовлетворяетъ другого,—что, поэтому, г. Мордовцовъ необходимо долженъ былъ объяснить, насколько сумма получаемыхъ южнорусскимъ крестьяниномъ цѣнностей не удовлетворяла его потребностей. Ясно, что г. А. П—ій не возражалъ противъ главной и основной мысли г. Мордовцова, что западно-русскіе крестьяне были въ бѣдственномъ положеніи: (возражать противъ этого, и при настоящемъ состояніи исторической разработки, было бы нелѣпо): онъ указалъ только на слабую сторо-

ну статьи автора, на рѣшительность его приговоровъ и выводовъ, которые требуютъ больше положительныхъ основаній, большей доказанности;—указалъ на то, что г. Мордовцовъ «въ своихъ заключеніяхъ ничего не прибавилъ ко всему тому, что намъ извѣстно изъ актовъ Кіевской Коммиссіи и другихъ источниковъ.»

Но г. Мордовцовъ, задавшись тѣмъ, что г. П—кій не согласенъ съ основной мыслью его статьи, приписываетъ г. П—ому убѣжденія и мысли, какихъ послѣдній и не думалъ высказывать.

Такъ г. Мордовцовъ говоритъ: «Вообще г. П—ій держится того мнѣнія, что южнорусскому пахарю XVI в. было довольно легко жить на свѣтѣ и нечего было жаловаться на польскихъ пановъ»: между тѣмъ какъ, у г. П—каго, г. Мордовцовъ читалъ совершенно-противоположное мнѣніе. «Народъ въ югозападной Руси», «говоритъ г. А. П—ій, терпѣлъ матеріальныя и нравственныя лишенія,—«терпѣлъ онъ отъ своевольства войска, отъ роскоши и мотовства пановъ, отъ жидовъ—арендарей, которымъ отдавались имѣнія съ правомъ судить крестьянъ и даже казнить ихъ смертію.»

Изъ общей мысли, что потребности поселяннина ограниченнѣе, нежели, напримѣръ, потребности горожанина, г. Мордовцовъ выводитъ, что г. П—ій смотритъ на южнорусскаго пахаря XVI в. какъ на существо низшей породы, какъ на человѣка «не одной съ нимъ кости — не бѣлой!»

Г. Мордовцовъ могъ нападать на самый фактъ существованія такого различія менѣе и болѣе развитыхъ потребностей, а не на того, кто этотъ фактъ напомнилъ ему для соображенія: указать на какое-либо явленіе жизни еще не значитъ — принимать его за нормальное, за справедливое и неизмѣнное.

Вообще, намъ кажется, что г. Мордовцовъ безъ нужды перешолъ отъ изслѣдованія предмета къ изслѣдованію убѣжденій своего критика, и, не имѣя достаточно данныхъ, просто—на—просто приписываетъ ему такія, какихъ тотъ не отыщетъ ни въ своей статьѣ, ни въ своемъ сознаніи. Намъ кажется, что этимъ существеннымъ недостаткомъ страдаетъ г. Мордовцовъ и въ отношеніи г. Костомарова. — Мы этимъ не говоримъ, чтобъ убѣжденія пишущаго не могли быть предметомъ критики, опроверженія, изслѣдованія, — но утверждаемъ, что о нихъ должно говорить настолько, насколько самъ пишущій высказывается, а главное — не забывать самого пред-

мета. Иначе — можно потерять твердую почву и перейти въ область невѣрныхъ предположеній и бесплодныхъ споровъ о личныхъ — невысказываемыхъ — убѣжденіяхъ, и упустить изъ виду самое дѣло.

Спрашиваемъ: такимъ ли путемъ можно добыть истину, которой, безъ сомнѣнія, ищетъ уважаемый изслѣдователь «Положенія крестьянъ въ югозападной Руси XVI вѣка?...

ЗАМѢТКА О РУСИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГІИ.

Въ настоящее время, надо думать—въслѣдствіе освобожденія крестьянъ,—у Русиновъ, равно какъ и у Великороссовъ, стремленіе къ образованію становится искреннимъ и явнымъ.

Людямъ, пользующимся матеріальною обезпеченностью, и въслѣдствіе того, имѣвшимъ возможность получить какое-нибудь образованіе, предстоитъ святой долгъ помочь своимъ землякамъ въ этомъ благородномъ стремленіи.

Многіе уже трудятся на этомъ поприщѣ, приготовляя учебники для простаго народа; и мнѣ хотѣлось бы, въ видахъ общей пользы, обратить ихъ вниманіе на научную терминологию.

Научная терминологія западныхъ народовъ, принятая, почти цѣлкомъ, въ русскія учебныя книги, образовалась, большею частью, въ средніе вѣка, когда наука была не общимъ достояніемъ, а особенною принадлежностью—какъ бы ремесломъ—извѣстныхъ людей, составлявшихъ замкнутую корпорацію, съ своею собственною іерархіею (бакалавръ, магистръ и т. д.). Эти люди избѣгали сближенія съ профанами, непосвященными въ таинства науки; у нихъ была особаго рода одежда и условный языкъ, отъ котораго ведетъ свое начало и научная терминологія, языкъ, составленный именно такъ, чтобъ быть понимаемымъ только *спеціалистами, адептами науки*.

Теперь наука дѣлается общимъ достояніемъ; поэтому и термины научные должны бы быть общепонятны; но вліяніе средневѣковаго пониманія вещей отзывается и нынѣ. Такъ, напримѣръ, всѣ малограмотные люди, желая показать, что они принадлежатъ къ образованному классу, любятъ осначивать свой разговоръ иностранными словами (подчасъ имъ самимъ малопонятными): вмѣсто *дикій садъ*, они непременно скажутъ *паркъ*, вмѣсто *бесѣдка*—*навильонъ*, и т. п. Особенно характеристично, въ этомъ отношеніи, слово *діалектъ*,—такъ - что услыша отъ малозна-

комаго мнѣ челоуѣка вопросъ: *говорите ли вы на иностранныхъ діалектахъ?* я уже знаю съ кѣмъ имѣю дѣло. Ученикъ, заучившій нѣсколько звучныхъ словъ, въ родѣ: *перпендикуляръ*, *параллель*, *сегментъ* и т. п., уже чувствуетъ себя маленькимъ ученымъ, становится *педантомъ*, старается парадировать этими словами и вставлять ихъ, кетати и некетати, въ разговоръ.

Въ прежнія времена, это средневѣковое явленіе было еще замѣтнѣе; такъ, достопочтенный іеромонахъ Климентій (см. 1-ю книжку *Основы*) прямо совѣтуетъ грамотнымъ избѣгать, словно заразы, всякаго сношенія съ неграмотными. Даже современные ученые не совѣмъ еще отреклись отъ средневѣковщины;—читающаго эти строки, также какъ и меня, безъ-сомнѣнія поражали химическія названія: *глиній*, *кремній*, и т. п. Видите ли: пришлось окрестить по-русски простыя тѣла или металлы, которыхъ руда называется: глина, кремень и т. д. По духу русскаго языка, кажется, ближе всего было бы назвать ихъ — *глинякъ*, *глинецъ*, или *глиневикъ*, и *кремякъ*, *кремнецъ* или *кремневикъ*, но вотъ—почли приличіе сочинить—*глиній* и *кремній*,—слова, какъ-будто взятые изъ того латинскаго языка, на которомъ, въ присутствіи родителей, объяснялся *докинусъ Галушкинскій* съ сыновьями *пана Халявскаго*. Мало того: вскорѣ, какъ будто опасаясь, что эти названія черезчуръ понятны профанамъ, придумали новыя клички: *алюминій* и *силицій*!

Русинскимъ писателямъ, составляющимъ учебники для народа, предстоитъ дѣло совершенно новое, и я рѣшился высказать свои, по этому поводу, соображенія.

Такъ-какъ желательно, чтобы образованіе усвоивалось массою народа, то, я думаю, и термины научные слѣдуетъ составлять въ духѣ народнаго языка, такъ, чтобы, впоследствии, они могли быть приняты самимъ народомъ. Слѣдуетъ еще принять во вниманіе и то, что у насъ, по числу нуждающихся въ образованіи, очень мало дѣльныхъ учителей, слѣдовательно учебники и научные термины надо составлять, по-возможности, такіе, которые и безъ толкованія учителя были бы доступны учащимся.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что метода зубренія, врядъ ли скоро выведется изъ первоначальныхъ училищъ, для которыхъ собственно и назначаются руссинкіе учебники.

Для убѣжденія въ томъ, какое значеніе имѣетъ непонятная терминологія, спросите у любого ученика объясненія, что такое эклип-

тика? и навѣрное онъ вамъ не съумѣетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. А спросите ученика польскихъ училищъ: что такое *droga ziemi* (дорога земли), и онъ вамъ непременно объяснитъ. Я знаю это по опыту.

Если бы и приходилось употреблять въ учебникѣ иностранныя слова, то слѣдуетъ избѣгать, по крайней мѣрѣ, неудобопроизносимыхъ, какъ напримѣръ: *паралелопипедъ*, и такихъ, въ которые входитъ звукъ *ф*, несвойственный русинскому языку, влѣдствіе чего такія слова, въ народномъ употребленіи, неизбѣжно искажаются—нерѣдко самымъ неблагозвучнымъ образомъ.

При составленіи учебниковъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на математическія и естественныя науки, которыя, безъ-сомнѣнія, должны занять важное мѣсто въ народномъ образованіи: а въ этихъ-то наукахъ наиболѣе непонятна терминологія...

Въ-заключеніе, представляю вниманію читателей небольшой русинскій терминологическій словарь, въ видѣ опыта. Руководствомъ, при его составленіи, служили мнѣ словари, чешскій и польскій а также нашъ Украинскій языкъ. Искренно порадуюсь, когда мой опытъ вызоветъ критическія замѣчанія, и дополненія. *Faciunt meliora potentes.*

Ариѳметика—*Шотниця*.

Алгебра—*Німа Шотниця*, або *Німо-щотъ*.

Аллегорія—*Инословъ*.

Амальгама—*Зплавъ*.

Арсеналь—*Зброяня*.

Авархія—*Безправность*.

Аптека—*Лікарня*.

Аптекарь—*Лікарникъ*.

Архитекторъ—*Будовничій*.

Архитектура—*Будовничество*.

Астрономія—*Зірниця*.

Астрономъ—*Зірникъ*.

Атомъ (хим.)—*Первець*.

Эквивалентъ (хим.)—*Пай*.

Автоматъ—*Саморухъ*.

Математика—*Численниця*.

Аналитика—*Розборниця*.

Бухгалтерія—*Счетоводство*.

Анализъ—*Разборъ*.

Алькоголь—*Випецъ*.

Кали—*Ванпечь* (металлъ, котораго русинамъ извѣстенъ).

Оригиналъ—*Первотворъ*.

Ореография—*Писовня*.

Параллельно—*Опоручъ*.

Параллельные круги—*Опоручні кола*.

Тропикъ—*Поворотникъ*. *Теплицецъ*.

Тропическія Страны—*Теплицина*.

Перспектива—*Зглядность*.

Орбита—*Обіжниця*. *Обігъ*.

Пульсъ—*Живчикъ*.

Магній (мет.)—*Горчець*.

Физика—*Сильниця* (*Наука о дѣйствіи тѣлъ на другія тѣла, о силахъ*).

Физическій—*Сильничій*.

Физикъ—*Силозпичъ*.

Механика—*Силодійня* (*Наука о дѣйствіи силъ*).

Механизмъ—*Силодійство*.

Механикъ—*Силодій*.

Химія—*Лучба* (чешск.), *истинця*, або *властниця*.

(*Наука о соединеніи*) — *естество*, — *свойствахъ тѣлъ*.

Грамматика—*Мовниця*.

- Натръ—*Солець* (металлъ котораго из-
вѣстнѣйшее соединіе—повар. соль).
 Силицій—*Кремнець*.
 Алюминій—*Глинець*.
 Углеродъ—*Углець*.
 Теплородъ—*Теплець*.
 Азотъ—*Душець*.
 Газъ—*Чадъ*.
 Хлоръ—*Зеленець*.
 Фармація—*Лікарниця*.
 Физиономія—*Поглядъ*.
 Конусъ—*Стожокъ*.
 Коническій—*Стожковий*.
 Баластъ—*Тяжъ*.
 Бальзамъ—*Живника*.
 Бальзамическій—*Живичный*.
 Библіотека—*Книгарня*.
 Блокъ—*Вертіло*.
 Ботаника—*Рослинниця*.
 Ботаникъ—*Рослинаръ Билинаръ*.
 Гербарій—*Травникъ*.
 Медикъ—*Лікаръ*.
 Хирургъ—*Гойникъ* (отъ гоіти).
 Хирургія—*Гойниця*.
 Результатъ—*Послідокъ*.
 Форель—*Пестрюга*.
 Форматъ—*Укладъ*.
 Географія—*Землепись*.
 Географическій—*Землеписный*.
 Географъ—*Землеписецъ*.
 Градусъ—*Ступень*.
 Бассейнтъ—*Котловина*.
 Гривель—*Писало*.
 Агентъ—*Ділачъ*.
 Гротескъ—*Дивообразъ*.
 Группа—*Кула*.
 Горизонтъ—*Поземъ, Небдсклонъ*.
 Горизонтально—*Поземо*.
 Перпендикулярно—*Стрямко*.
 Гипербола—*Збитниця*.
 (отъ збитъ—излишне).
 Идеаль—*Видина, Правозоръ* (съ чеш).
 Насѣкомое—*Кузька*.
 Инстинктъ—*Побудка*.
 Инструментъ—*Статокъ*.
 Эклиптика—*Путниця*.
 Квадратъ—*Двукуратъ*.
 Кубъ—*Трикуратъ*.
 Истокъ—*Жерело*.
 Буксиръ—*Волокъ*.
 Буксировать—*Волочити*.
 Каналь—*Проводъ*.
 Карикатура—*Потвора*.
 Характеристика—*Вдачность*.
 Циркуль—*Кружало*.
 Колонія—*Осада*.
 Колонистъ—*Осадчий*.
 Колоритъ—*Квітмистость*.
 Контрактъ—*Умова*.
 Корректоръ—*Справицьк*.
 Курсъ—*Токъ, Обігъ*.
 Цилиндръ—*Валець*.
 Цилиндрический—*Вальцевий*.
 Машина—*Строй*.
 Паровая машина—*Парострой*.
 Элементъ—простое тѣло—*Перейна*.
 Электричество—*Грозовина*. (чешск.)
 Эмаль—*Поліва*.
 Эпоха—*Доба*.
 Экстрактъ—*Витяжки*.
 Фабрика—*Виробл. Дільня*.
 Фабрикантъ—*Виробницъ*.
 Интересъ—*Зискъ, Ужитокъ*.
 Регулярный—*Сталий*.
 Каедръ—*Столець*.
 Лабораторія—*Дільня*.
 Ландкарта—*Землевидъ*.
 Ландшафтъ—*Краевидъ*.
 Мануфактура—*Рукодільня*.
 Массивный—*Тильчастій Литий*.
 Матросъ—*Пловець*.
 Специалистъ—*Мітець*.
 Специальность—*Мітецьство*.
 Машинистъ—*Стройникъ*.
 Меридіанъ—*Полудникъ*.
 Метафора—*Переносня*.
 Металлъ—*Кованъ*.
 Минераль—*Нѣрость, Крушець*.
 Нейтральный—*Нілкый*.
 Нейтрализаторъ—*Ніякость*.
 Полюсь—*Бігуиз*.

М. Левченко.

ВІСТІ.

ХОРОЉЪ,

який вінъ тепѣрь є.

Въ Хорді — всѣго додѣлі!

(Послѣвиця.)

Зъ якої сторони ни поглянь на нашъ Хорѣль, — якъ гѣрѣдь — ледачѣнкій, — а якъ сѣльбище, — то прехорѣше! Полѣгорье, на прѣ-
вому бѣрезі р. Хорѣла, дѣ стоїть гѣрѣдь, дѣлїтя ширѣкимъ лѣжби-

* Вісті про Хорѣль прислані намъ разомъ съ такою гарною, вимовною приказкою, що було бъ жалко не подѣлитися нею зъ ширими земляками, котрі розуміють цїну рідного слова, що, мовлявъ, якъ сиротина наїлкана, не до кожної душі проговорить. Читаєшь — и не начитаєсья оповідання п. Димського; — а такі, здаєтця, прості речі вінъ оповідає..! Въ єго устахъ наша мова и м'якка и виразна и послѣшлива, якъ той смичокъ и скрипка у рукахъ доброго музикі: що захоче, тѣ вона єму й виспівает. — Оце жъ частина зъ приязного листу п. Димського:

«Посилаю де-що про нашъ Хорѣль: найдете путнїмъ — гараздъ, а ні — такъ у пїчъ — п ділу кїнець... *Основа* такъ мнї вподобала, якъ вовку весільні пїсні: такъ и кортїть протягнути въ їй и свою стрїчку, — якъ тому вовкові зъ дружечками заспівати. Може й моему голосу буде те, що вовчїй пїсні, — та вже жъ — запросъ не бїда! Приміряйте: приїдетця моя мережка до *Основи*, — заспуйте, а ні — вибачайте... Зо всїхъ українъ сиплють до васъ, мовъ зъ рукава, листї, стихї и багато ще дѣ-чого, на прївітъ *Оснѣвнїки* — базовїнцї нашого незабутнєго Тараса-кобзаря (нехай єму перѣмъ земля!) треба жъ то розібрати весь крамъ, щобъ усѣму порядокъ дати и вибрати до гожого виду гожую стрїчку; треба жъ то одвіяти жито відъ полови; треба... та мало чого треба?... А все-таки думка й тѣ, що може и въ моїй мові знаїдетця хочъ одно зернятко, и на рїднїй нашїй нивї воно проросте, відкрасуетця и вродить раснєнькимъ колоскомъ. — » — Амінь! — одказуючи Вамъ звичаємъ нашого Кобзаря: такъ воно й станетця! Нехай же частїнь зорїе ваше тепле и гарне слово въ прївітнїй до ширїхъ земляківъ *Основи*.

щемъ течії Лагодівки на дві часті: Покрівську и Городську; а ся ще ділитця, крутими ярами, на меншіі укріми, и на нихъ—то, відь Лагодівки и р. Хорόла, замітне старінне кріпостне будовання.

Хорόль-річка течє въ Псєль; по весні заливаеть всі луки; літомъ становитця озєрами, а підь городемъ — невеличкимъ лиманомъ, и скрізь зь берегівъ заростаеть високимъ та густимъ очеретомъ... Якъ глянути зь могили, що на валу, то далєко—далєко,—зъ—восхідь сонця до полудня краю,—відко сєла, хуторі, широкії луки, ліси, озєра зь очеретами, и гори, що геть—геть пішли правимъ бєрегомъ; а що найблїжче, на острову, сєло Вишняки, уквічанє садочками, окаймленє, якъ барвінкомъ, синіми озєрами зь зелєними очеретами, вєрбами и топόлею.

Самъ горόдъ уєіанъ и по гóрамъ и по ярамъ, то въ одинόчку, то вкупці, якъ печеріцями, низєнькими, білєнькими хатїнами, крітими очеретомъ и солόмою. Пять церквєй, на Городській стороні, и одна на Покрівській, веселєнько вибігають въ нєбо и сїють святими хрєстами; а де—де червоніють и зеленіють покрівлі панських будиноківъ, крамарських рядівъ и казеннихъ пострόекъ; а найбільшъ на—сїла, негїдою, на горόдъ тюрма, — котра ще тїльки відстрόуетця, и сўмно зорїть, на свїтъ божїй, дворядовими вікнами, зарештованими залїзомъ. Нарόду въ горόді зь невеличкимъ 4,000, а міжъ нимъ и жидови чоловікъ сотъ зь дві, осїдлихъ и прибулдинихъ. Три стобовіві шляхи стєлютця черезъ горόдъ: одинъ въ Полтаву, другий у Кременчукъ, а третій, на Лубині, въ Кнївъ... Здаєтця, тутъ би и торгамъ бїти, — та щось не такъ!... одинъ святий хлїбъ визволяє: въ Кременчукъ хуріють єго четвертєй, мōже, тїсячъ на дєсять, а то такі и по винницямъ панськимъ чимало єго забирають. Мōже, після воли, кращє бїде и въ Хорόлі; звїсно, нарόдъ слободише зароблїтєме собі худобоньку,—не такъ, якъ було ще недавно, живши въ хатині якъ сорока на тинї.

Самє мїсто горόда дїже привїльне й весєле; водї доволї, та ще якá й вода! Є у насъ Зубанївська криниця,—пєшь—не напєсьє!.. Старі люди кажутъ, що воду зь нєї, рядчики возїли колись ажъ до Херсонї,—вельмōжному Потємкіну, якъ вінъ воєвавъ зь Туркомъ, и якъ їхала въ Кримъ царїця Катєріна. Чудова вода! їнші и лічутця нєю, — мабутъ Богъ помагаеть... Грунтъ въ Хорόлі, для садовинї, або й огородини, дїже хорόший; 1849 року, я ще заставъ тутъ дуже рєснї садки; а що найкращє тутъ ростуть—мурєлі: продавались

по сороківці за відро; и теперъ ё садки, та все не тó: якъ почалá селитись въ горóді жи́дова,—такъ садки й та́ють; жи́дъ въ садку́ не уживе́тця,—однó що ко́зи заіда́ють, а то такі й до́гляду нема́; звісно, наро́дъ торго́вий! а наші, горожа́не, більш́ праціо́ють у полі, — а па́нство коли́ не на слúжбі, то до́ма—та за ка́ртами... Ще то хо́роше въ Хо́ролі, що який би́—то дощъ ни йшо́въ, а годинъ черезъ дві сміло іді гуля́ти; по ўлиця́мъ нема́ тихъ озе́ръ, котрими по́кійний Го́голь осла́вивъ Ми́ргородъ—на́шого сусі́ду; хочъ и у на́съ ни́хто не боро́нить сви́нямъ и теля́тамъ гуля́ти по майда́ну, се́редь го́рода, де всі суди́, а все—такі́, Богъ боро́нить,—сви́ні бума́гъ изъ суди́въ не кра́дуть, хочъ тамъ па́піру кúчи, кúчи (*)... а мо́же вже й сви́ні, пі́сля Го́голя, розу́мніші ста́ли,—ті́льки, до-я́кого-ча́су, тако́го бе́шкету у на́съ не рóблять.

Живимó жъ ми, въ горóді, ні вéсело, ні скúшно,—радо́щівъ мало; хочъ теперъ и дуді́ть, ка́жнісе́нькій ра́нокъ и ве́чіръ, гу́са́рська му́зика,—та все я́кось смúтно: — щось дúже тúга ко́пійка, — бідно́му чо́ловікові про́жити не лё́гко, житнё́го бо́рошна пудъ—че́твертакъ,—а ба́ра́ннини, або я́ловичини фу́нтъ—10 ша́гівъ,—се бъ то такъ якъ и въ По́лтаві; а відъ чо́го воно́ та́къ? хто ёго зна! А́ж слúхати мо́торошно о́бъ такі́х ці́нахъ, гле́дя на ті́ ширóкі лані́, де хлі́б свя́тий ма́е відъ кра́ю до кра́ю,—гле́дя на ті́ тис́ячні ота́рки, де про́даю́тця вивці́ за 2, а ко́рова за 12 карбо́ванцівъ,—та що́ робі́ти? *приво́зити м'ясо́ изъ се́ль — за́прётъ*, а на́сёкки різни́ки вига́дують що́бъ усе́мъ бу́ло гара́здъ... опри́чь хто у ни́хъ купу́е...

Що́ бъ не скúшно жи́лося у на́съ,—то бува́ють случа́и на ве́якъ мис́яць,—що́ бъ бу́ло де-о́бъ чимъ по́міркова́ти наро́ду. Са́ми суді́те:

У сі́мъ го́ді, *въ генва́рі мис́яці*,—у на́съ, въ са́мисе́нькому го́роді, тро́хі не опі́вдний, за́ме́рзла (бу́ло—17 град.) ще не дúже ста́ра ба́бу́ся, са́жéняхъ въ 40-ти відъ сво́єї ха́ти: ішо́вши съ хре́стинъ сво́го вну́ка, по́сковзну́лась та й упáла въ я́ръ, де бу́ло тро́хі не са́жéнь сні́гу; бі́лась—бі́лась, та й засну́ла. Ка́жуть лю́ди, що́ вона́ мо́же бъ и про́сну́лась (бо́ якъ її ви́тягли зъ я́ру, то ще бі́лося се́рце), та лі́шко тя́жке! на то́й ча́с, *ні́кого*, изъ 4-хъ лі́кари́въ, не найшлі́: бу́ли, ка́жуть, де́сь у го́стяхъ... На дру́гий де́нь, горо́довий лі́карь її карбо́ва́въ,—ка́же: вме́рла!.. По́хова́ли... якъ бу́де тре́ба, тоді́ про́снётця...

(*) *Ссора Ізана Івановича съ Іваномъ Никифоровичемъ, въ сочи́неніяхъ Го́голя.*

Въ *февралі*, разъ, опівночі, була у насъ пожежа: палко горіла хата, крита очеретомъ; весь городъ освітився, улицы ажъ стогнуть відъ дзвону; всякъ зъ постелі схоплювався, та въ чімъ попало — на пожаръ... Багато бъ було горя и слёзъ, якби не салдати инвалиди й гусари; а то вже якъ розпалалося пекломъ, тоді тільки прибігли і пожарні, — мабуть ждали пори, щобъ відпішъ було їхати, — та ще жъ бо й то: — що робити зъ гаспедськими кінями? — їхъ до огню, а воші — драла, та задомъ, — ажъ кленки въ бочонкахъ торохтять!.. Сё вже, мабуть, не натачанки возити!.. А тутъ імъ и смокъ ще страху завдає: оце якъ приймутця качати, то вінъ — сопé, сопé, а далі якъ чвіркне зъ боківъ, то такъ и коні, и люди вростіть! Нічого робити, — коней на-сторону, та за лопати: принялись за снігъ, що по улицямъ стоявъ кучугурами, та й покрили пожежу!..

Въ *марті* була объявлена народові царська воля за *паньщанъ*: то-то радість! По всіхъ церквамъ були молебні о здравіі Царя. Молілись щиро, а далі й порішили: зробили складъ, и проводили старіхъ людей на прощу у Київъ. Плакали, сміялись, обнимались, поздоровляли, мовъ на Великдень. Увесь пість бувъ прázниками; а якъ настало Великодне Свѣто, то радішамъ и кінця не було!

— *И сѣущимъ во гробѣхъ живётъ даровавъ!* — твердивъ народъ.. Чудно дé-кому здавалося, що не було опієства, бійки, лайки, а скрізь тільки й чути, що *паньщена* заручається, — готують весілля... Ажъ сэрце сміялось!

Въ *апрелі*, на прázникахъ, у п'ятницю, въ Хоролі, пронеслася чутка, що, опівдня, молоденька дівчина, літь 16-ти, кинулась изъ будінку, та прямісенько въ колодязъ — шубовхсь!.. а колодязъ той сажнівъ вісімъ глибини... Побачили люди, закричали, збіглись до колодязя, та й постали... ажъ-ось біжить, зъ другими салдатами, не дуже старий инвалидъ, (рідомъ зъ Кременчука), *Павловъ* прозивається, схопивъ вірѣвку, оперезавсь, та въ колодязъ и юркнувъ... а тамъ, пирнувши, и витягъ дівчя; подали другу вірѣвку, — вінъ обвязавъ ёю обмерлу дівчину, — такъ її й витягли, — а далі й Павлова; принялись утоплена качати на ряднахъ, та й відвалані: ожилá... Рáжуть, начальство узялось розібрати се діло, и, мабуть, дознаютьця. — А народъ все гуторить: чо́го бъ тій дівчині топиться?.. Молодé якъ квіточка.. Жаль сердешної убо́ги!

Щé не весіли й посумувати по сій новині, якъ черезъ двá дні, у неділю, нова о́казія, вже міжъ панствомъ: офицёръ-черкесь, та дру-

гого офицера-гусара, у жида въ трахтірі, якъ штирхонувъ кінджаломъ у живіть разъ, и вдр҃ге, — такъ якъ и не було чоловіка!.. Се л҃училось підъ вѣчір҃ъ; музика гусарська вже грала на майдані; народу зібралось чимало, а тутъ и піднялось... черкеса посадили въ тюрму, а мѣртваго понесли въ больницю... Черезъ два дні хоронили зарізанного; народу було мабуть тисячъ зо дві; грала музика; а якъ несли покійника, білі тюрмі, то виводили и зарізяку-черкеса... Покійника похоронили зъ стрільбою.. Нехай ёму перомъ земля! добрий и молодий чоловікъ бувъ! кажуть, що родомъ знідъ Москві, и хорошого роду.

7-го мая була у насъ одкрита недільня шкѣла; я й оповідавъ объ сімъ въ *Московськихъ Відомостяхъ* (№ 135-й), да менѣ тутъ злицѣвали въ Длінекого. Зпершу записалось у шкѣлу вчїтьця—29, а теперъ записанихъ—75 чоловіка. Ходять же вчїтись відъ 45 до 60-ти чоловікъ; полѣві робѣти, ярмаркі, а для садатъ — етапъ и калав҃ури, на перешкодї. Якъ одкривали шкѣлу, то не забули и того *Павлова*, (щѣ витягъ дівчї зъ колѣдязя): зробили складъ, та й дали ёму, на першій разъ, шість карбѣванцівъ на дорогу, бо вінъ вже йшовъ у *чїсту*; а на більшъ — ще йде підніека. Щїро принявся народъ учїтись; вже де-яки, изъ ранышхъ, починають читати Евангеліе, и ті манисенькі книжичкі, що якъ метелики, летять до насъ одъ п. Камінецького. Не знаю щѣ дальшъ буде, а теперъ діло йде, якъ за воддю; хто учїтця—радъ, та й хто уче—радіе.

Про шкѣлу спершъ було поговѣру немало; теперъ вже ворожбіти трѣхи вгамовались; бачуть, що нічого не вкѣять, то тїльки гарчать. Уже й жидинята почали ходїть учїтись грамоти, а наші щїро їмъ помагють, и зъ ласкою до нихъ. Я, першъ, опасувався, щѣбъ наші хлопята не обїждали їхъ, на-щѣтъ *сама, гаменового ўха* и щѣ — де — чого, — ажъ ні: наука здружила й зьєднала усіхъ. Жаль тїльки, що учїтелї пристають: — изъ 17, що записались, наврядъ чи й сімъ наберѣтця, котрі бъ ходили рядъ-у-рядъ; а народу все більшъ и більшъ прибуває... Та вже жъ *Богъ не безъ милости, козакъ не безъ домі!* — побачимо...

Въ *маї* жъ, були вибрані Мирові Посередники: все лѣди гѣжи, — молодї, трудящі; а що всѣго краще — и народу и панству любї. Нехай же мирюють на здоровья!

Въ *їюні*, вибрали нового Предводїтеля: ждуть одъ ёго багато хорошого... Тежъ, и Петрівська ярмарка обїйшлась не безъ поговѣру: шарпанїни — сіллю, полотнѣмъ, горшкѣми, лопатами, дїжкѣми и

другімъ дѣ-чимъ и дѣ-кому—було доволі!.. И чого бъ тутъ, здається, дивоватися? Діло обичайне... такъ ші! народъ своє товче... аджежъ оліі не вітовче?..

Явлєнне *мітл*и на небі, або то комети, якъ вчені люди зовуть її, тежъ дало посуду немало; москалі угадували, що *мітл*а мабуть — чи не къ войні зъ туркомъ?—козацтво—чи не зметє вона *окружніхъ*?—паньшеня — що вона змитає *крепацтво*; дѣ-яки пані—що бѣде *страшний судъ, якъ віщовали, той рікъ, въ Москѡвськихъ Відомостяхъ*; судові — чи не віщує вона *зостатись їмъ за штатомъ*?.. одні *жидкі мовчки* поглядали на *мітл*у, та метарились, де-бъ, набіръ, закушпи у панівъ *шлєнську вѡвну*, що бъ *мерщій* пхатись на *Иллінську ярмарку*, въ *Полтаву*.

Въ першихъ дняхъ *іюля*, зновъ, у *Хоролі*, *повінка*: въ *городі*, незабаромъ після *полудня*, *найшли* 80-ти *літню бабу-удову*, въ її жъ *хаті*, зъ *розбитою головою*, двома *узлами задүшену*, и зъ *потрощеними рѣбрами*... *Скриня*, що *стояла въ хаті*, *розбита*, и все *добрѡ* *пороскідувано*: *мабуть* *шукало грѡшей*... *Покійна бабуся* на-видь *здавалася* *літє 50-ти*; була *хазийлива*, *заможнєнька* и *прівітна до всіхъ*; *синівъ жинила* и *зробила хазяїнами*, та й ще *мала худѡби чимало*: *хату зъ хїжею*, *комѡру добру*, *млинъ*, *весєлий двіръ*, *огорѡдъ хороший*, *садѡкъ вишнєвий*, — та й, *окрѡмъ сєго*, *найдено въ неї грѡшеня* *карбѡванцівъ сотъ чотірі*, и *всєго добра доволі*, та, *мабуть*, не дано їй *дѡлі вмерти якъ слідъ*,—по *закѡну христїянському*: *найшлєсь рука гаспїда*, що *закрила старі очі обұхомъ*, та *петлєю*... а *хтѡ той гаспїдъ*—ще не *знають*.

А *оцє*, на *тій же неділі*, *друга повїна*: *рознеслась чўтка*, — що *розбиратимуть містъ*, *котрій стоїть въ городі*, *черезъ яръ*, на *шляху* *ізъ Лубенъ*,—*відкілі теперъ їде вся ярмарка на Иллінську*, въ *Полтаву*, *ізъ Кнїва*, *Волині* и *геть-гєть дальнєго*, *рідного намъ Галича*... *Якъ-то-сь нїшкомъ повєдено такъ*, *бўцимъ містъ той нїкчємний* й *що трєба єїѡ лагодити*; *пазначили зємського кошту 600 карбѡванцівъ*; *вже и жидъ підрядївся*, такъ-що, въ *городі*, *нїхто* не *сподївався* й *гядки* не *мавъ*, що *тєє затївєтця*... *Якъ прочўли жъ* *про сє горожанє*, та *второпали*, що *ярмарка по усамъ проїде*, а въ *ротъ* не *попадє*, то *заразъ громадою* и *кинулись зъ пісьмомъ* въ *Полтаву*: *що містъ ще добрий*—що *ще мітъ пьять простѡїть*, а *раштовання коло нєго* *багато якъ на три карбѡванці*; то й *одвадали*: *зостався містъ годїицямъ*—на *ярмарку*... а *дєлі*—*хтѡ*

єго зна, що буде? — мѡже-таки й лусне 600 карбѡванцїв на по-стукъ....

Отъ-такѡ-то, якъ бачете! И у насъ, въ Хорѡлі, є надъ чимъ подумати... Се жъ усє діялось тїльки въ гѡродї, а въ уїзді? — та й щѡ казати! — не переговоришъ и за тїждень петрївськїй! Бѡдемо ждати, що то вдїє небѡсна мїтлѡ, либѡнь-то комѡта, що пішлѡ вїдъ насъ на полунїчъ?..

12 іюля 1861 року.

Модестъ Димськїй.

ЧТО ОБЪ ЭТОМЪ ДУМАТЬ?

Письмо къ редактору изъ Кїева.

(7 іюля 1861.)

Обращаюсь къ вамъ съ просьбою о помѣщенїи настоящаго возраженїя, вынужденнаго несправедливымъ и крайне-вреднымъ пристрастїемъ польской журналистики, которая, въ отношенїи къ южно-русскому краю, позволяетъ себѣ выходки самыя непростительныя и самыя обидныя для насъ — жителей Украинны. Представляю вамъ два весьма разительныхъ примѣра: пусть изъ этихъ данныхъ сами читатели выведутъ свое заключенїе и произнесутъ заслуженный приговоръ. За все сказанное я принимаю нравственную отвѣтственность *на себя*, и прошу заявить объ этомъ въ *Основѣ*, на которую, безъ-сомнѣнїя, кое-кто разсердится.

Въ апрѣльской книжкѣ «*Варшавской Библіотеки*» (Biblioteka Warszawska), въ отдѣлѣ *литературныхъ извѣстій*, сообщается объ изданїи г. Марїаномъ Горжковскимъ въ *типографїи Propagandae fidei, въ Римѣ*, двухъ повѣстей изъ *Украинской жизни*, писанныхъ отчасти по-польски, отчасти по-русски; объ повѣсти, по словамъ «*Библіотеки Варшавской,*» преисполнены эрудиціи *греческой, римской и еврейской* (?) и имѣютъ благоую цѣль — объединить, обобщить, на основанїи древнеклассическихъ цитатъ, интересы польской шляхты съ интересами нашего южно-русскаго народа. Такъ-какъ вышеупомянутыя повѣсти здѣсь еще не появлялись, то для насъ становится невозможнымъ указать: какїя именно мѣста Софокла, Квинтиліана или Соломоновыхъ Псалмѣй въ состоянїи доказать тож-

дественность шляхты польской и католической съ народомъ южно-русскимъ и православнымъ; поэтому, предоставляя разгадку этой задачи пророческому вдохновенію любого отца іезуита, обратимся къ дальнѣйшей части упомянутого сообщенія.—Въ немъ находится еще слѣдующая замѣтка о трудахъ г. Горжковского:

«Въ прошломъ году, редація «Библіотеки Варшавской» получила «отъ г. Горжко всякаго важныя извлеченія изъ Ватиканскаго архива «относящіяся къ исторіи Украины, особенно же къ личности Богдана «Хмельницкаго,—личности, изъ которой писатели малороссійскіе сдѣ-
«лали народнаго героя, между-тѣмъ какъ это былъ лишь предводитель
«разбойничьей сволочи,—человѣкъ безъ всякой мысли и вѣры, бандитъ,
«который, для достиженія своихъ цѣлей, готовъ былъ принять любое
«вѣроисповѣданіе, даже магометанизмъ.—По причинамъ, независящимъ
«отъ редакціи, мы не могли напечатать этихъ важныхъ документовъ,
«но тѣмъ-не-менѣе они проливаютъ яркій свѣтъ на отношенія Укра-
«ины къ Польшѣ. Со-временемъ истина откроется, и тогда писатели
«малороссійскіе перестанутъ извращать историческую истину и фа-
«нализмъ ихъ погаснетъ. Тогда Богданъ Хмельницкій—этотъ мни-
«мый герой, этотъ ратникъ вѣры и свободы, которому они готовы
«воздвигать памятники, предстанетъ въ дѣйствительной своей роли ата-
«мана украинскихъ разбойниковъ.—Со-временемъ только, повторяемъ,
«выяснятся обстоятельства, омраченныя теперь недобросовѣстностью
«и страстями.»

Оставивъ въ сторонѣ площадной тонъ и ругательства этой статейки, вовсе несвойственныя историческому безпристрастному взгляду и серьезной критикѣ, постараемся (хоть это, впрочемъ, нетрудно) объяснить цѣль, съ которою всѣ подобныя выходки появляются въ нѣкоторыхъ польскихъ журналахъ.

Еслибы пишущими руководило желаніе раскрыть научную истину, то, разумѣется, они-бы принялись за дѣло похладнокровіе, стали-бы разрабатывать источники и представили-бы для науки неопровержимыя данныя своихъ изслѣдованій, и уже потомъ выводили-бы изъ нихъ сужденія объ общемъ характерѣ исторической дѣятельности въ ту или другую эпоху, объ общемъ значеніи той или другой исторической личности. Между-тѣмъ, довольно взглянуть хоть на выше-приведенный отрывокъ, чтобы убѣдиться, что тутъ дѣло вовсе не въ историческомъ изслѣдованіи:—авторъ, вмѣсто представленія источни-

ковъ, *хвалятся* только, что они у него есть въ рукахъ, требуя въ этомъ отношеніи безусловнаго къ себѣ довѣрія и, вмѣсто оцѣнки этихъ источниковъ, сообщаетъ только то, что они присланы г. Горжковскимъ и что выписаны изъ Ватиканскаго архива; зато, по великодушію своему, не скрываетъ результатовъ, добытыхъ имъ-самимъ, въ тиши кабинета, изъ этихъ неподдѣльныхъ источниковъ — результаты же являются въ видѣ пасквильной брани на мертвыхъ и живыхъ!

Причина, вызвавшая такую странную методу историческаго изслѣдованія, проста:—этимъ публицистамъ хочется доказать невозможное, а именно, что край, лежащій между Карпатами и рр. Вепржемъ, Припятью и Днѣпромъ, и теперь и искони былъ край польскій; но извѣстно, что простымъ, научнымъ путемъ не докажешь невозможнаго, ни очевидно-ложнаго положенія, — поэтому необходимо прибѣгнуть къ сужденіямъ аргіогі, да къ брани, вмѣсто доказательствъ. Попробуйте начать съ ними полемику, у нихъ никогда не окажется недостатка въ такого рода доказательствахъ; такъ, если вы укажете въ прошедшемъ фактъ борьбы всего народонаселенія южно-русскаго съ польскою шляхтою, то вамъ скажутъ, что все это народонаселеніе было не что иное, какъ сволочь, бродяги, разбойники, бандиты,—что *людьми* на Украинѣ въ то время должно считать только шляхтичей, гнавшихъ на панщину да сажавшихъ на колъ всю эту сволочь,—насиловавшихъ женъ и дочерей этихъ бандитовъ,—глумившихся надъ вѣрою и обычаями этихъ разбойниковъ. Если кто-нибудь осмѣлится взглянуть на прошедшее съ иной точки зрѣнія, представить статистику края или издать акты, несовпадающіе съ цѣлью и взглядомъ этихъ господъ, тотъ, разумѣется, въ ихъ глазахъ—мечтатель, фанатикъ самый безсовѣстный, человекъ подкушной, издающій фальшивые акты и т. п. Такъ недавно нѣсколько польскихъ журналовъ обвинили въ подлогѣ всю *Кіевскую комиссію для разбора древнихъ актовъ*, единственно за то, что комиссія обнародовала акты, доказавшіе отдачу церквей въ аренду жидамъ, вмѣстѣ съ правомъ смертной казни надъ крестьянами. Напрасно комиссія, указывая подлинники, объявила, что она открываетъ къ нимъ каждому свободный доступъ: она считается тѣмъ виновницею, потому, что акты, неурядищіеся польскимъ публицистамъ-фанатикамъ, не должны были и существовать въ архивѣ; если же они существуютъ, такъ развѣ изданіе ихъ не доказываетъ, что комиссія руководствуется самымъ недобросовѣстнымъ фанатизмомъ?!—Отчего-бы членамъ комиссіи не обратиться лучше за актами въ Ватикан-

скій архивъ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ редакцію «Библіотеки Варшавской»: тамъ—бы они нашли настоящіе акты, тамъ бы имъ объяснили, что всё, что ни существовало на Руси, существовало или въ католическо—шляхетскихъ формахъ, или же было разбоемъ, беззаконіемъ, историческою аномаліею, подлогомъ, чѣмъ-то незаслуживающимъ ни малѣйшаго вниманія, а въ доказательство, къ вѣщему убѣжденію, г. Горжковский приведетъ цитаты на вѣсѣхъ древнихъ языкахъ, какъ знакомыхъ, такъ и незнакомыхъ ему-самому!

Да, г. Горжковский лице давно извѣстное своею добросовѣстностію, въ подтвержденіе чего мы можемъ сообщить многозначительные факты изъ его біографіи. — Нѣсколько лѣтъ назадъ, г. Горжковский былъ учителемъ въ Черниговской гимназіи. Заявивъ о желаніи своемъ научно разработать исторію Малороссіи, онъ успѣлъ выхлопотать право заниматься во вѣсѣхъ монастырскихъ библіотекахъ кievской митрополіи и пересматривать вѣсѣ находящіеся въ ея предѣлахъ церковные архивы. — Изъ собственныхъ словъ г. Горжковского, мы знаемъ, какъ онъ воспользовался этимъ позволеніемъ: то по довѣрію иноковъ, то подъ видомъ лица, будто бы присланнаго митрополитомъ Филаретомъ, частнымъ образомъ, для повѣрки состоянія монастырей, онъ присвоивалъ себѣ все, что относилось къ исторіи края и къ его сношеніямъ съ Польшею. Мы видѣли у него огромное собраніе древнихъ актовъ, изданій Кіевской академіи, церковныхъ книгъ и т. п. — Спрашивается, съ какою цѣлью была сдѣлана вся эта коллекція? — Г. Горжковский не издалъ изъ нея никакихъ извлеченій, не сдѣлалъ ее доступною публикѣ и даже частнымъ знакомымъ не позволялъ заняться собранными имъ матеріалами, — онъ ее упряталъ такъ, что и слѣдъ простылъ... а вѣроятно были въ ней вещи не ватиканскаго свойства... Такого добросовѣстнаго дѣйствія, вѣдь, не постыдился-бы любой фанаріотъ, безчинствующій въ Булгаріи, съ цѣлью уничтожить вѣсѣ древніе памятники исторіи и литературы края. Въ заключеніе, г. Горжковский ухалъ за границу, и въ Римъ, въ прошломъ году, поступилъ въ иезуитскій монастырь; тогда, подвижный, должно-быть, угрызненіемъ совѣсти, онъ рѣшился возмѣстить утащенные имъ памятники изъ нашихъ церквей и монастырей, другими, вѣроятно — болѣе подлинными и достовѣрными, которые онъ отыскалъ, или, можетъ быть, и предугадалъ въ Ватиканскомъ архивѣ. (Вѣдь благочестивые отцы Societatis Jesu — мастера предугадывать даже небывалое, если только это имъ выгодно). Послѣ всего сказаннаго, можно-ли сомнѣваться въ

добросовѣстности трудовъ г. Горжковского и въ безпристрастіи «Библиотеки Варшавской?»

А вотъ другой фактъ, не менѣ ясно доказывающій ту умѣренность, то стремленіе къ безусловной истинѣ, въ недостаткѣ котораго польскіе журналисты упрекаютъ южнорусскихъ историковъ и, вообще, авторовъ всѣхъ неправящихся имъ сочиненій. Въ *Польской Газетѣ* (*Gazeta Polska*), въ концѣ мая или началѣ іюня настоящаго года, кіевскій корреспондентъ этой газеты, сообщая о провожаніи черезъ Кіевъ тѣла Тараса Шевченка, передалъ совершенно-ложно всѣ подробности этого грустнаго обряда. Мы готовы были его ошибки, довольно впрочемъ непростительныя мѣстному корреспонденту, приписать незнанію: но одна остановила наше вниманіе, — онъ гласилъ, что панихида надъ нашимъ народнымъ поэтомъ была отпѣта въ Кіевѣ въ *уніатской церкви*; вслѣдъ затѣмъ, въ одномъ изъ послѣдовавшихъ номеровъ, каневскій корреспондентъ той-же газеты, извѣщалъ о погребеніи тѣла его въ Каневѣ, и опять является извѣстіе, что панихида была отпѣта въ *каневской уніатской церкви*; наконецъ, въ послѣднихъ числахъ кіевскій корреспондентъ опять сообщаетъ о похоронахъ въ Кіевѣ, въ уніатской-же церкви, г. Пихилевича, и т. д. — Такъ-какъ намъ, жителямъ южнорусскаго края, очень хорошо извѣстно, что у насъ вовсе нѣтъ уніатскихъ церквей; такъ-какъ, съ другой стороны, не возможно допустить, чтобы мѣстные корреспонденты ошибались въ этомъ отношеніи, то, въ настойчивыхъ намекахъ на мнимыя уніатскія церкви, нельзя было не видѣть преднамѣренной неправды, порожденной скрытною мыслью католическаго прозелитизма. Полагая однако, что вымыселъ этотъ есть достояніе кіевскихъ корреспондентовъ, мы обратились въ редакцію Польской Газеты, — и указавъ на ошибки менѣ значительныя въ статьѣ о похоронахъ Шевченка, мы потребовали гласной поправки насчетъ уніатскихъ церквей. ...И вотъ-что намъ отвѣчала редакція въ 152-мъ номерѣ *Польской Газеты*:

«Мы благодарны вамъ за вашу поправку насчетъ погребенія «Тараса Шевченка. Относительно названія церкви, въ которую было «принесено тѣло покойника, мы не считаемъ для него обиднымъ, еслибы даже было такъ, какъ сообщилъ нашъ корреспондентъ: это не-«только не бросаетъ никакой тѣни на покойника, а напротивъ (*i ow-«szem*)... Въ нашемъ изданіи, вы найдете намеки, доказывающіе, что «мы сознаемъ артистическое и поэтическое значеніе Шевченка; стран-

«но, какъ въ нихъ можно было усмотрѣть поводъ къ отзыву, придающему такое значеніе совершенно-невинной и дружелюбной корреспонденціи.—Впрочемъ, не всѣ мы на столько озабочены покойникомъ, чтобы заниматься такими подробностями.»

Можемъ, съ нашей стороны, увѣрить достойную редакцію, что мы вовсе не желали расположить ее въ пользу покойнаго нашего Кобзаря, и еслибы она совсѣмъ умолчала его имя, мы бы отъ этого ничуть не пришли въ отчаяніе. Но такъ-какъ ей угодно было великодушно обратить вниманіе на его артистическое значеніе, то ей слѣдовало или совершенно удержаться отъ дальнѣйшихъ подробностей, или передать ихъ вѣрно, но ужъ никакъ не представлять ложныхъ фактовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что предметъ, о которомъ она извѣщаетъ, мало ее занимаетъ. Наконецъ, мы просили-бы редакцію объяснить сказанное ею «*i owszem*»... Неужели она думаетъ, что сдѣлала честь покойному поэту, пожаловавъ его за артистическое дарованіе въ *уніаты*?!.. Если такъ, то она непростительно-грубо заблуждается: принятіе уніи, въ сознаніи украинскаго народа, произошло или вслѣдствіе католическаго насилія, или служило признакомъ отступничества отъ всего того, что считалось нравственнымъ достоинствомъ народа. Тарасъ Григорьевичъ не былъ жертвою перваго, а втораго и враги не осмѣяются приписать ему. Кого же хотѣла обмануть редакція, упорно настаивая на томъ, что церкви въ нашемъ краѣ не православныя, а уніатскія, между-тѣмъ какъ несомнѣнно ей самой извѣстно, что, за исключеніемъ Галиціи и Русинской части Люблинской губерніи, уніатскихъ церквей и уніатовъ на Руси нѣтъ нигдѣ, и, слѣдовательно, имъ не откуда взяться ни въ Кіевѣ ни въ Каневѣ. Если эти намеки объ уніи относятся къ намъ, — они напрасны: ни къ уніи, ни къ падающему, по нравственному безсилію (несмотря на всѣ іезуитскія усилія) папизму, мы не имѣемъ, да и никогда не имѣли, влеченія; напротивъ, мы хорошо помнимъ, сколько крови пролилъ нашъ народъ и сколько обидъ онъ претерпѣлъ отбиваясь отъ уніи въ теченіи двухъ столѣтій! Если-же эти намеки написаны для удовольствія нѣкоей публики, съ цѣлію убѣдить ее въ томъ, что мы или Уніаты *de facto*, или стремимся къ Уніи, или по крайней-мѣрѣ стремились къ ней въ лицѣ нашего вдохновеннаго поэта, то это трудъ еще болѣе напрасный. Къ чему *напускати ману*? вѣдь-же прійдется когда нибудь разубѣдиться, и отъ временнаго обольщенія наврядъ-ли будетъ нравственный или вещественный выгрышъ...

Взамѣнъ за учтивости, почитенной редакціи, мы можемъ отплатить ей однимъ совѣтомъ, а именно: просимъ ее хорошенько подумати надъ глибокою правдою одною изъ нашихъ народныхъ пословиць: *«Брехнею свѣтъ перейдешъ, та назадъ не вернесся»*. Намъ кажется, що вельможная шляхта совершила уже одинъ — помянутый пословицею—путь подъ предводительствомъ іезуитовъ. Неужели она захочетъ возвращаться по той-же дорогѣ? Если такъ, то намъ остается еще разъ предостеречь ее словами той же пословицы: *«назадъ не вернесся!..»*

Владиміръ Антоновичъ.

ІЗЪ СЕЛА ТОВКАЧІВКИ, ПІДЪ Г. ПРИЛУКОЮ.

Якъ тільки люди почули въ церкві волю, заразъ почли рядить, судить, яке-то теперъ уже буде житте вольнимъ людямъ: чи хотъ трошки посолодшає їхъ гірка доля. Діти поснішали до батька-матері, кумъ до кума, сусідъ до сусіда; тільки, — казали люде, — безрідний той Іванъ, якъ бобиль у полі, ні до кого не йде, ні съ кимъ не розмовляє о своїй гіркі долій. Їго и воля не дуже звеселила. Їму у пана добре жилося, бо панъ бувъ ёму якъ рідний батько: чи прикажчикъ почне дуже налягати на Івана безрідного, то панъ и заступитця, чи такъ які недобрі люди почнуть смикать бідного сироту, то знова панъ и пожаліє Івана. Добрий бо бувъ да розсудливий панъ у насъ: гріхъ сказати! Одъ такого пана не хочетця и людямъ одходитъ; иншому, мабуть, не краще буде и у волі. Отъ такъ-то, кажу, почали судить, рядить: розумні люди виказували свої мислі, а другі слухали, да навчались; до сієї жъ челяді пристававъ и я, бо я и недуже смишлений и язикъ у мене, часомъ, якъ той пенъ—не повернетця...

А чужі речі слухать я дуже люблю, и для сѣго частенько навідуюсь у шинокъ: бо дѣ більшъ, у насъ на селі, почуешъ людей, якъ не въ шинку? Тутъ, правду-сказати, дѣ чого й пустого наслухаєся, да то вже тогді, якъ дуже підішють и розходятця; покіль же ще всі тверезі, то иноді багачко де-чого доброго почуешъ. Да не все жъ и пьяніці въ шинку. Одні приходять сюди побачитись зъ добрими людьми, да побалакати, а другі—такъ, якъ оце й я—щобъ послухать розумнихъ людей и почутъ щд робитця у світі. Бачите—у насъ на селі нікуди більшъ и збира-

тися людямъ для розмови. Добре, що у васъ тамъ—по великимъ родамъ да по столицамъ—єсть, кажуть, якісь *клубкі*, де о політиці розмовляють... Сього у насъ немає, — такъ ми збираємось у шинокъ, де побачисся зо всякимъ. А, мабуть, воно такъ уже Богъ создавъ чоловіка, що ёму не можна довго безъ людей бути: все шукає собі челяді, де бъ и другихъ почувъ и собі вкинувъ яке словечко. Се й учені знають; бо наука імъ указує все: якъ и земля крутитця, якъ и вітри віють. Чи нашъ братъ селянинъ дійшовъ би до такої мудрости? Ні за що, мабуть! чудасія да й тільки, щобъ оце сказати що земля навкругі сонця вертитця... а учені кажуть що вертитця: отъ же й маішь імъ віру, — бо вони багацько знають, чого ми не розуміємо. Хай же імъ Богъ помага, а чрезъ їхъ и насъ навчить!

Оттакі-то речі чувъ я підъ шинкомъ. Щобъ ви знали суждіння и нашого брата, щобъ знали, якъ де які зъ насъ прийняли волю, и чого вони ждуть одъ неї, и що думають сами робити, якъ будуть вольні, — я оце здумавъ вамъ те списати. Просимо тільки не поску- чать: якъ и що чувъ самъ, те саме и вамъ оповідаю.

«Здорові були, люде добрі!» почавъ Остапъ, підійшовши и къ шинку до челяді.

— Здоровъ, здоровъ, озвались зо всіхъ кінцівъ: всі почитали Остапа, бо вінъ чоловікъ дуже розумний и розсудливий, да ктому жъ ще загумений и заможний чоловікъ.

«Объ чімъ ви, братці, балакаєть? Може про волю? Теперъ тільки й чутка, що про волю, да про волю. Вона понудила-таки и нашого брата взятись за свій розумъ: чужимъ розумомъ въ люди не вийдешъ; — прийшовъ часъ, що *жить—не волá кормить*. Самому треба всьому давати пораду; а безъ того—пропадешъ.»

— Се, мабуть, таке вже время настало, Остапе, — озвався Петро — чоловікъ тежъ бувалий и дуже розбитний: *всякѣ Еремій свое розумий*. Теперъ усякъ довженъ устроїть свою судьбину. Хто міцніший, да роботящий, той не згине, — той найде собі свою доріжку; а хто дурень, або лежень який, тому, мабуть, частенько прийдетця сидіть безъ шматочка хліба. Да ще добре якъ вінъ одинъ; а якъ у ёго ще єсть сімья? Пропаща и сімья зъ такимъ! То було хотъ панъ при- невольное такихъ лівихъ до діла, да й сімї бідної не оставить; те- перъ хто? Всякий думатиме объ собі.»

— Такъ! воно теперъ — перебивъ Петра Михайло — треба кож- ному держати ухо на сторожі. Охъ! багацько треба подумати, а потімъ

щиро прийняття за діло, щобъ придбать хоть маленьку худобу. А безъ праці пропадешъ — и ти, и сім'я.

«Да сёго жъ ще й мало» зновъ озвався Остапъ. Теперъ більшъ и потребують одъ насъ. Хочуть изробить зъ насъ розумнихъ людей; на що, кажуть, требоватимуть, щобъ всюди були школи и щобъ всякий оддавъ туди своїхъ дітей для грамоти. Тоді вона и намъ очі розкриє!»

«Да розкритъ — то, розкриє, — заговоривъ почухавшись Стёпка (що бувъ колись лакеємъ у дворі) да, мабуть, та наука и біди багацько наробить. Тоді, мабуть, треба буде попрощатись зъ своєю спокійною жизнью. Розуму, — чувъя не разъ одъ ученихъ, — ніякъ не можна здоволнить, наче якого прожору, що вінъ все ївъ би и не наївся. А якъ почне, кажуть, мудрить вінъ, якъ тільки ёго розбудишъ, то и Бога не чить и людей не боїтця. Да хіба жъ ви не підмічали, які бувають еретики?.. Прийде вь церкву, (якъ то ще коли — не — коли прийде!) стоїть якъ пень, и не перехриститця. А одъ чого? Каже: цивилизація не позволя, — політика того требе: не вь моді, бачъ! Да якъ би ми знали що розумъ коїть на білімъ світі, то, їй-Богу, одказались би одъ ёго!»

«Постривай-лишень, постривай! — перебивъ Степку Остапъ. Ти вже щось дуже на розумъ напався? Ти подивись на ёго и зъ другого боку, а не все гледи зъ одного... Само — собою розумієтця, все стане погане у дурнихъ рукахъ. Хіба жъ зъ нашого брата не має такихъ що ходять до церкви за тимъ тільки, що другі ходять? Се, Стёпка, зовсімъ не одъ розуму! Худі люде розумомъ хочуть тільки покритъ своє нечисте и недобре серце, а одъ серця усе и добре и зле. Тільки хіба та розниця межъ розумнимъ и дурнимъ, що розумній, котрий має серцедобре, здужає більше зробить добра и собі и другимъ, ніжъ дурень зъ добримъ серцемъ; и навпроти: одъ розумного та злого чоловіка тільки держись! Вінъ токого накоїть и проти Бога, и проти людей, да ще й оправдаєтця: якъ соколь чистий стане. Дурень же, хочъ и злий, не багацько навредить, да и поймаєтця заразъ. — Такъ-то Степане! Понапрасну ти осудивъ розумъ! Одъ ёго багацько людямъ пользи, коли вінъ добре вигостренний. На що жъ би Богъ и давъ ёго людямъ, якъ не на те, щобъ вони умножали все добре своїми трудами, и черезъ те пособляли бъ безбідно житъ и собі и другимъ? Ти не бачишъ вь розумі нічого доброго, а не вінъ же хіба зробивъ тобі сокиру, серпъ, або косу, безъ чого не було бъ у тебе ні хати, ні хліба? Не вінъ-хіба

давъ тобі плугъ, безъ которого ти и за всю весну и за всю осень не скопавъ би заступомъ твоєї ниви? Чи безъ розуму пошивъ би ти шапку, свиту, чоботи, сорочку, щобъ ти не бувъ и голий, и холодний! Чи не вінъ зробивъ людямъ млинъ, де або вода, або коні, або самъ вітеръ дає тобі муку? Охъ, багацько, Степане, багацько розумъ робить на світі чудасій такихъ, котрихъ ми ще й не знаємо, и все-то на помічъ чоловікові. Ти жъ самъ бачивъ въ паньській клуні молотилку, що разомъ и молотить, и віє и оббірає полову. А хто її зробивъ? Мабуть не такі дурні, якъ ми зъ тобою. А подивись, яка одъ неї польза! Тиждень цілий, мабуть, треба у-трохъ, або й більшъ, молотить стільки кіпъ хліба, скільки вона сама, безъ усякого нашого труда, измолотить тобі и перевіє? Скажи жъ самъ теперъ, чи жъ розумъ не стоїть того щобъ ёго почитать и до ёго добуватьця? А подивись на ёго ще съ другого да съ третёго боку,—такъ и станешъ прохать Бога милосердного, щобъ вінъ не перестававъ пособлять усімъ розумнимъ да роботящимъ людямъ. Тогді не скажешъ: «йй Богу, одказався бъ одъ розуму!» а ще моливъ би Бога щобъ вінъ и тебе не обділивъ сімъ неоціннимъ даромъ!

— Да годі вже вамъ споритись за розумъ! — сказавъ Кузьма-мирошникъ, уставши зъ колоди, потягуючись. Почали волею, а кончили онъ чимъ! Те ще далеко! вернітця знова до волі, да подивітця хорошенько, чого вона одъ насъ заразъ потребує; а те, що буде ще,—те, Богъ знає, якъ ище буде: може до того чи й доживемо?

«А чого жъ вона потребує одъ насъ?» одвітивъ Кузьмі Остапъ. «Першъ усього треба, якъ и батюшка говоривъ у церкві, щобъ люди меншъ пили горілки, а коли можна, дакъ и зовсімъ її покинули да не лінувались, а щиро припились за роботу; бо теперъ кожний довженъ устроїть своє нове житте. Кожний довженъ подумать, що теперъ вінъ вольний чоловікъ; що самъ довженъ одягти и прокормить и себе и сімью. Уже теперъ ёму треба не аби-яке хазайство, бо изъ дурного хазайства не дуже потягнешъ...»

— Правда, правда!—загомоніли люде....

«Отъ добре теперъ парубкамъ, да хлопцямъ!» озвався дідъ Уласъ. «Парубкамъ затимъ, що вони, якъ захотять такъ и пристроять себе, и сили у їхъ ще свіжі да кріпкі, да значалу воно все охтінійшъ робитця; а намъ старимъ людямъ—аби віка дожити; хоть добре, хоч недобре, а не хочетця якось покидать того, съ чимъ сжився и до чого привикъ. Хлопцямъ же ще краще, затимъ, що вони не дознались

ще ні нашої неволі, ні нашого горя. Вони теперъ наче народились на новий вольний світъ: куди зхотять—туди й повернуть свою доріжку. Имъ и въ яке-небудь ремесло можна пуститися: хто въ шевці, хто въ кравці, хто въ столярі, а хто ще куди-небудь; и грамота, мабуть, уже не втече відъ їхъ. Я вже самъ старий, а радію хочъ за своїхъ онуківъ. Колибъ хотъ вони, мої курупятка, не знали нашого горя! Нехай щасливіше проживуть свій вікъ, нижъ ми!..»

Довго ще балакали добрі люди объ волі, да—те перекажу другимъ разомъ.

Павло Ромашка.

СОРТИРОВКА ЛЮДЕЙ ПРИ ВХОДѢ ВЪ ЦЕРКОВЬ (¹).

До чого можетъ довести непониманіе должныхъ общественныхъ отношений, нежеланіе или неумѣнье отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ, до какого високомѣрія, грубости и даже, можно-сказать, неѣжества, можетъ доводитъ привычка къ этой безотчетности, когда лицо о одячено будетъ какою-нибудь властію,—грустнымъ примѣромъ тому можетъ служить обычай сортировать людей при входѣ въ церковь,—операція, повторяющаяся всегда и вездѣ у насъ, при сколько-нибудь торжественномъ богослуженіи, до-того часто повторяющаяся, что даже не возбуждаетъ скандала, не ставится никому въ проступокъ, а признается самымъ-обыкновеннымъ, какъ бы законнымъ дѣломъ, не производя ни шума, ни особенныхъ заявленій.

Какими законоположеніями, соображеніями и, наконецъ, побужденіями руководствуются въ такихъ случаяхъ полицейскіе агенты, на которыхъ обыкновенно выпадаетъ у насъ доля сортировать людей для допущенія къ торжественному богослуженію? Какъ смотрятъ они при этомъ на народъ, на церковь? Любопытно было бы это разобрать, но

(¹) Считаю весьма полезнымъ перепечатать настоящую статью изъ Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника (№ 28). Читатели увидятъ, почему мы поспѣшили перенести ее на страницы Основы: непрѣмное и полное уваженіе къ человѣку—безъ сортировки на большихъ и малыхъ, добрыхъ и злыхъ и проч.—мы признаемъ первымъ и главнымъ началомъ общественного катихизиса; пока оно не войдетъ въ убѣжденіе и въ права каждаго, до-тѣхъ-поръ всякія другія идеи, преобразованія и стремленія, не много принесутъ пользы обществу.

трудно прослѣдить. Какъ посмотришь, иногда на нихъ вдругъ налетаетъ снисходительность и позволяютъ они кому-либо изъ простолюдиновъ, конечно очень смиренныхъ, униженно имъ кланяющихся, войти въ церковь; а то снова вдругъ дѣлаются не въ мѣру строги и даже слѣдующаго по пятамъ за человѣкомъ, только-что пропущеннымъ въ церковь, съ грубостью останавливаютъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ, локтемъ въ грудь, или какъ иначе, отсаживаютъ назадъ. Нерѣдко, уже ступившаго на порогъ церкви и уже занесшаго руку для крестнаго знаменія, прогоняютъ съ паперти безъ всякихъ объясненій. Все это такъ обыкновенно, дотога часто повторяется, что рѣдко кто изъ отогнанныхъ рѣшается возражать или заявлять свое право быть впущеннымъ въ церковь, по примѣру другихъ, не говорю—хорошо одѣтыхъ, въ нѣмецкое платье, но хоть по примѣру такихъ же какъ и онъ, одѣтыхъ въ тулупъ или *свиту*. Народъ, видимо, свыкъ съ произволомъ, а быть-можетъ даже и воображаетъ себѣ, что власть и сила должны проявляться только такъ, а не иначе, въ видѣ всесокрушающаго урагана: налетѣть, повергнуть, сокрушить. И въ самомъ дѣлѣ, тутъ всякое возраженіе со стороны простого человѣка было бы напрасно: оно бы ровно ни къ чему хорошему не повело, развѣ къ новому толчку и къ новому, грубо выраженному, вопросу: «Куда лѣзешь? Пошелъ, тебѣ говорятъ!» Еслибы даже удалось какимъ-нибудь образомъ заслужить милость стражей, находящихся у входа въ церковь, кто ручается, что столь же снисходительны будутъ другіе агенты, которые находятся внутри самой церкви? Вѣдь каждый простолюдинъ хорошо знаетъ, что и тамъ онъ не обезпеченъ отъ произвола, что и тамъ, если вздумается кому изъ полицейскихъ показать свою власть, ему и тамъ, энергическимъ, хорошо-знакомымъ жестомъ и особенно выразительною мимикой, а подъ-часъ и толчкомъ, могутъ указать двери, и волей или неволей, такъ или иначе, выпроводятъ изъ церкви. Опытъ грозный, не одного только года, доказалъ имъ, какъ мало нужно со стороны простолюдина, чтобы навлечь на себя гнѣвъ блюстителей тишины и порядка, и какъ много нужно потомъ униженія, просьбъ и моленій, чтобъ умиловить гнѣвъ ихъ. Многіе, подпавъ подъ немилость, уже и не пытаются прибѣгать къ милосердію: такъ оно бываетъ рѣдко.

Предшествующія размышленія возбуждены въ насъ случаемъ, которому мы были очевиднымъ свидѣтелемъ. 2-го февраля въ нашемъ городѣ въ Срѣтенской церкви былъ храмовой праздникъ. Въ этотъ

день въ ней отправлять богослуженіе здѣшній преосвященный; вѣдѣ-
 ствіе чего и была, какъ водится, назначена туда полиція. Хотя тутъ
 почти самъ собою является неизбѣжный вопросъ: въ чемъ же должна
 состоять, при такихъ случаяхъ, обязанность полицейскихъ, какъ тѣхъ,
 что стоятъ въ преддверьи церкви, такъ и тѣхъ, которые помѣщаются
 внутри ея?—въ томъ ли, во первыхъ, чтобы при самомъ входѣ сор-
 тировать прихожанъ по платью (другихъ данныхъ для сортировки у
 полицейскихъ быть не можетъ), и вовторыхъ, въ самой церкви сор-
 тировать, кому, какъ и гдѣ стоять, и опять-таки сортировать по
 платью и наружнымъ знакамъ, потомъ сопутствовать, т.-е. прокла-
 дывать въ толпѣ дорогу болѣе или менѣе значительнымъ лицамъ? —
 или же, наконецъ, въ томъ и другомъ мѣстѣ, т.-е. внутри церкви
 и внѣ ея, обязанность полицейскихъ—быть только для одного такъ-на-
 зываемаго порядка, въ самомъ обширномъ и самомъ неопредѣленномъ
 смыслѣ этого слова, какъ, кажется, по большей части и понимаетъ
 его полиція?—но этотъ самъ-собою напрашивающійся вопросъ я рѣ-
 шать не стану, потому-что назначенію полицейскихъ чиновниковъ
 въ церковь я вообще не сочувствую; а не сочувствую потому, что
 присутствіе физической силы, каковою является полиція, считаю не
 совсѣмъ умѣстнымъ, тамъ въ особенности, гдѣ, предполагается, дол-
 жны постоянно пребывать миръ и тишина, гдѣ каждому христіанину
 предлагаетъ церковь «всякое житейское отложить попеченіе.»

Понятно, что простой человѣкъ, какъ всякій труженикъ, радъ
 празднику болѣе всѣхъ. Изъ нихъ пожилые и религіозные, конечно,
 поспѣшили въ этотъ день отправиться въ церковь. Многіе изъ этого
 сословія, прихожане Срѣтенской церкви, считали за священную обя-
 занность побывать въ своей церкви. Многіе, въ этотъ день, раньше
 прибытія полиціи, раньше перваго колокола, уже были на панерти
 церкви, и дожидались когда отворятся двери. Многіе, зная на опытъ,
 какъ трудно бываетъ попасть въ церковь въ присутствіи полиціи, за-
 бирались туда спозаранку и заняли мѣста поудобнѣе, кто по угламъ,
 а кто и поближе къ клиросу, думая, что изъ церкви—то, конечно,
 ужъ ихъ не выгонять. Послѣдствія покажутъ, насколько оправдыва-
 лись ихъ, въ этомъ отношеніи, совершенно-законныя ожиданія.

Подходя къ церкви, еще издали видѣлъ я, какъ у дверей ея мо-
 лодой бѣлокурый паренъ, лѣтъ двадцати, одѣтый въ новый дубленый
 тулупъ, низко, въ поясъ, кланялся стоящимъ у дверей церкви де-
 сятскимъ.

— Пошелъ, пошелъ!—отвѣчали тѣ на его просьбу: —и безъ тебя тамъ тѣсно.

Я остановился. На паперти, изъ простонародья стояло уже нѣсколько человѣкъ обоого пола, все заароканные полицейскою стражей. Эти люди, непризнанные достойными быть въ церкви, видно было, съ завистью поаатривали на счастливцевъ, которые при нихъ же были невозбранно пропускаемы въ церковь. Такъ прошла, шумя немилосердно платьемъ, въ огромнѣйшемъ кринолинѣ, барыня, а за нею гордою поступью и лакей ея; такъ прошелъ и господинъ какой-то, съ крестикомъ въ петличкѣ; такъ проаыгнула и горничная дѣвушка, подъ опекой какой-то старушки-барыни; прошелъ, наконецъ, безпрепятственно и каретникъ-нѣмецъ, а русскому человѣку—(для кого же церковь?!) какъ ни сунется онъ, все одно: «пошелъ,» да «не лѣзь!»

— Да помилуйте! вѣдь вотъ же другіе идутъ,—почти завопилъ тотъ же паренъ, чуть-ли не десятый разъ отгоняемый отъ церкви.—Будьте ласковы, пропустите,—добавилъ онъ, пренизенько кланаясь десятискимъ.

— Да пропустите его,—вдругъ отозвался неизвѣстно откуда взявшійся высокаго роста квартальный, почему-то сжалившійся надъ мужичкомъ.

— Конечно, отчего и не пустить его,—сказалъ я квартальному, идя за парнемъ,—вѣдь и онъ хочетъ помолиться.

— Хочетъ!—повторилъ онъ, и обращаясь ко мнѣ добавилъ:—вотъ вы такъ говорите, а тамъ, послушайте—(при этомъ онъ указалъ на церковь)—тамъ советмъ другое говорить.

— Да что вамъ смотрѣть на каждаго? вы исполняйте свое дѣло,—почти невольно отвѣтилъ ему я.

— Легко сказать—исполняйте!—замѣтилъ онъ, махнувъ рукой, какъ будто выразивъ тѣмъ всю невозможность такого исполненія.

И въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстно, что полицейскіе чиновники, — я говорю о мелкихъ, — находясь въ совершенной зависимости отъ произвола или каприза начальника, не огражденные въ своихъ обязанностяхъ точными инструкціями, безпрестанно находятся въ отвѣтственномъ положеніи? Угодить каждому невозможно. Какая порча для нравственности чиновника, когда онъ долженъ постоянно принаравливаться, постоянно угождать, постоянно, какъ говорится, Богъ знаетъ для чего, лѣзть изъ кожи! Можно ли тутъ быть твердымъ въ исполненіи своихъ прямыхъ обязанностей, когда зачастую должно толь-

ко улыбаться и кланяться высшимъ по чину и, какъ бы въ возмездіе за это, имѣть въ свою очередь право или безправіе вымещать горечь своего положенія на своихъ наименьшихъ братіяхъ? Болѣе невыгодную постановку даже придумать трудно, и должно сказать правду, нельзя не жалѣть тѣхъ, кого судьба обрекла на такое положеніе. Конечно, тѣмъ больше чести тому, кто счумѣетъ стать выше своего положенія, при всей его невыгодѣ, невольно влекущей къ униженію нравственнаго достоинства. Такихъ людей немного; да и можетъ ли быть много? Само общество уже заранѣе имѣетъ о каждомъ полицейскомъ извѣстное, далеко не почетное, мнѣніе. Человѣку образованному, вполне-развитому, нужно имѣть много мужества и самоотверженія, чтобы вступать въ служебную сферу, пользующуюся—пусть даже и несправедливо—такою незавидною репутаціей; а тѣмъ болѣе нужно мужества честному человѣку, нужно ему почти быть героемъ, чтобы не искать возможности вырваться изъ этой сферы, гдѣ подвигъ такъ тяжелъ, а истинная оцѣнка, даже общественная, такъ недостижима.

Но если жалко положеніе полицейскаго, то не легче отъ того положеніе простолюдина, когда ему, за исключеніемъ развѣ кабака, почти нѣтъ мѣста ни въ какомъ общественномъ собраніи, а въ извѣстныхъ случаяхъ почти нѣтъ мѣста даже въ церкви! Куда ни пошелъ бы онъ, отовсюду—но за что же? онъ самъ того не знаетъ; неужели за то, что онъ мужикъ?—его отовсюду гонять. Пойдетъ ли онъ въ городской садъ въ праздничный день, тамъ тоже стоятъ у воротъ тѣ же блюстители чистоты и проч., и тоже не пустятъ. Да они и сами, т.-е. народъ, лишь только завидать полицейскихъ, не пойдутъ въ этотъ садъ. Въ театр? но театры до сего времени не для народа строились: тамъ ему бывать не по карману, да опять и мѣста отведено въ райкѣ немного; значить не для народа. Общественныхъ собраній, чего-нибудь въ родѣ клубовъ для народа—объ этомъ многимъ покажется и говорить смѣшно. Чтожъ имъ остается дѣлать и гдѣ имъ быть въ праздничный день? Въ кабакъ, въ кабакъ!.. Оттого-то кабаковъ такъ и много у насъ. Каждое общественное собраніе имѣетъ несомнѣнно свою нравственную, конечно не всегда выполняемую, цѣль; а тутъ, въ кабакѣ, какая можетъ быть нравственная цѣль?

Въ день, который мы описываемъ, въ церкви оказалось вовсе не такъ тѣсно, чтобы была надобность возбранить дальнѣйшій приливъ народа. Дѣйствіе полицейскихъ служителей въ этомъ, какъ и во мно-

гихъ другихъ случаяхъ, было не что иное, какъ только одно *благое предусмотрѣніе*, преимущественно на тотъ случай, чтобы, при непадобности, возможно было, для лицъ вліятельныхъ, свободно расчислить дорогу и, конечно, при этомъ кстати выказать и свою рьяность въ угодливости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, хотя не сплошными массами, а кой-гдѣ, какъ рѣдкость, можно было замѣтить и простой народъ: можно было замѣтить и бородку, и даже нагольный тулупъ, вѣроятно изъ тѣхъ, что забрались сюда спозаранку. Мѣста было еще до-того достаточно, что я, безъ особаго усилія, могъ довольно свободно пробраться на середину церкви; тутъ только, въ-особенности около возвышенія, предназначеннаго для преосвященнаго, было значительно тѣсно, и то, вѣроятно, потому, что на это возвышеніе многіе желали вскарабкаться, чтобъ удобнѣе отсюда видѣть совершаемое богослуженіе. Нечего и говорить, что изъ числа добивавшихся занять мѣсто на возвышеніи не было ни одного простолюдина: простой народъ скромно стоялъ по мѣстамъ, которыя каждый занялъ, вѣроятно, еще съ самаго начала службы. Напротивъ, на возвышеніи было нѣсколько молодыхъ, такъ-называемыхъ *панничей*, большею-частію незначительныхъ чиновниковъ. Все говорило, даже самому неопытному глазу, что не пользовались они въ своемъ, быть-можетъ новомъ, чиновномъ положеніи, такъ-сказать на зарѣ чиновной карьеры, особыми благами міра сего. Все доказывало, что дорого досталось имъ право носить извѣстнаго вида *патріотку*, довольно сильно потасканную и вѣтромъ подбитую, взамѣнъ теплаго кожуха (тулуна), фуражку съ козырькомъ и, что важнѣе всего, со звѣздочкой, взамѣнъ прежней бараньей шапки; но, несмотря на то, они, видимо, гордились выгодами своего чиновнаго положенія и требовали у простаго народа преимуществъ даже въ церкви, грозясь, въ противномъ случаѣ, выгнать оттуда простолюдиновъ. Спросите: откуда такая рысь взялась, откуда могутъ приходить въ голову такіа нелѣпыя мысли? на чемъ они могутъ основываться? Вопросы такъ и возникаютъ. Неужели все зло сидитъ въ формѣ, въ этомъ наружномъ отличіи человѣка, въ той легкости, съ которою мы дѣлаемъ рѣшеніе о человѣкѣ по одному платью?

Въ церкви дѣлалось все тѣснѣе и тѣснѣе. Начали появляться и дамы, предводимыя офицерами, смѣло прокладывающими путь въ толпѣ. Кринолинамъ приходилось плохо: стѣсненные спереди и съ боковъ, они, силою пружинъ, вскидывались вверхъ, чуть не на го-

ловы рядомъ стоящихъ. Слышались остроты и жалобы на тѣсноту; кто порицалъ кринолины, кто ихъ обладательницъ. Конечно, во всякомъ дѣлѣ, возбудившемъ чье-либо негодованіе, виновные должны же быть. Но кто же бы могъ подумать, что и тутъ, какъ и въ болѣе-шей части другихъ случаевъ, какъ въ баснѣ «Морь Звѣрей», опять окажутся виновными люди самые смиренныя, менѣе всего причастные къ дѣлу, что и здѣсь окажутся виновными тѣ изъ присутствовавшихъ, которые были одѣты въ тулупы? Не знаю, былъ ли кѣмъ изъ господъ поданъ совѣтъ стоявшему въ церкви полицейскому чиновнику, или же ему самому пришла великолѣпная мысль поразчищать немногую толпу и тѣмъ дать болѣе свободы для кринолиновъ, только слышу, что за мною кого-то спроваживаютъ; оглядываюсь: того самого молодца, котораго такъ-недавно, съ такою трудностью впустили въ церковь.

— Пошелъ, пошелъ, безъ разсужденій!—говорилъ ему квартальный, осаживая его въ грудь рукой.

Тотъ, къ кому относилась эта рѣчь, хотя и неохотно, но повиновался: подавался назадъ, оглядываясь по сторонамъ, видимо ища въ комъ-либо защиты.

— Да смотри ты у меня,—продолжалъ тотъ же квартальный, грозя ему кулакомъ, отъ котораго тотъ еще сильнѣе долженъ былъ пятиться назадъ, — не останавливайся; а не то я тебѣ, знаешь?...

Бѣдный молодой человѣкъ вспыхнулъ; на лицѣ показалось что-то въ родѣ стыда. За кого онъ стыдился? Какъ хотите, для человѣка, привычнаго къ униженію, — стыдъ, и величайшій стыдъ — быть выведеннымъ, или, лучше-сказать, выгнаннымъ изъ церкви. Сотни глазъ были устремлены на него съ разныхъ сторонъ; каждый видѣлъ, что полицейскій грозился ему, велѣлъ выйти ему изъ церкви; но за что, кто это зналъ, кто могъ слышать особаго рода грозный шопотъ полицейскаго? два-три близь стоящихъ человѣка, — для другихъ же изгнанный былъ преступникъ: ужъ не укралъ ли онъ чего?

Но вотъ, раздѣлавшись съ однимъ, квартальный принимается за другого, тоже одѣтаго въ тулупъ: молча подходитъ къ нему, молча беретъ его сзади за шиворотъ и грозно, безъ словъ, однимъ жестомъ указываетъ на двери. Тутъ мнѣ невольно взбрела мысль: какимъ образомъ у насъ въ Руси могла выработаться поговорка: «Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ и пороги?» Ужъ не изъ подобныхъ ли, часто повто-

равшихся выпроваживаній народа изъ церквей? Выпроводивъ второго, квартальный тоже дѣйствіе повторяетъ и съ третьимъ, все съ одинакимъ успѣхомъ: всѣ выпроваживаемые хотя удивлены и озадачены, но повинуются, и хоть медленно и потупя глаза, удаляются изъ церкви. И это неудивительно; но что удивило меня, такъ это то, что каждый новый такого рода поступокъ квартального находилъ поощреніе и возбуждалъ смѣхъ и даже какую-то дикую радость — и въ комъ же? въ этихъ несчастныхъ, взгромоздившихся на возвышеніе *панничихъ*, все время, безнаказанно, въ виду того же полицейскаго чиновника, къ соблазну другихъ, смѣявшихся довольно-громко, разговаривавшихъ между собою и безпрестанно, то и дѣло, то вскарабкивавшихся на возвышеніе, то, отъ напора толпы, снова съ него обрывавшихся.

— А вонъ еще этого, этого, въ тулупѣ, — подсказываютъ они квартальному, съ хохотомъ. — Такъ его, такъ! хорошенько! — слышится оттуда же къ немалому изумленію изгоняемыхъ, ничѣмъ непогрѣшившихъ противъ *панничей*.

Такъ передъ моими глазами, въ церкви, во время богослуженія, были оскорбляемы одинъ за другимъ самые смиреннѣйшіе изъ прихожанъ, и оскорбляемы потому только, что на плечахъ ихъ были тулупы, что они принадлежали къ такъ-называемому *низшему* сословію. Я видѣлъ все это и молчалъ. Чего жъ я ждалъ? Отчего мнѣ было не заступиться за перваго же изъ нихъ? Чѣмъ оправдать такое непростительное равнодушіе къ ближнему? Его совершенно незаслуженно оскорбляютъ, его изгоняютъ изъ церкви; онъ видимо ищетъ въ комъ-либо себѣ сочувствія, ищетъ защиты, и ни въ комъ, нигдѣ, ни того ни другаго не находитъ. Напротивъ, это многимъ очень нравится; многіе не стѣняются всенародно заявлять свое удовольствіе. Неужели такъ и должно быть? Неужели мы только личную обиду всегда будемъ ставить въ проступокъ другимъ?

Нѣтъ, и здѣсь не всѣ были равнодушны къ обидамъ другихъ! Въ самомъ дѣлѣ, равнодушіе было только кажущееся. Не успѣлъ я сказать нѣсколько словъ квартальному, въ защиту изгоняемыхъ, какъ вокругъ меня всѣ заговорили и всѣ стали на мою сторону; даже двѣ, тутъ же стоявшія старушки — и тѣ поднялись горой противъ обидчика, и тѣ заговорили, что передъ Богомъ всѣ равны. *Панничі* притихли и столпились, какъ бараны, въ кучу. Квартальный, казалось, былъ удивленъ моимъ замѣчаніемъ; онъ видимо ожидалъ, судя

по моимъ свѣтлымъ пуговицамъ, скорѣе встрѣтить похвалу чѣмъ порицаніе.

— Зачѣмъ вы ихъ гоните?—сказалъ я квартальному.

— Да они, вѣдь, и назади могутъ стоять,—отвѣчалъ онъ, вымѣривая меня глазами.

— Зачѣмъ же назади,—возразилъ я,—когда они уже заняли тутъ мѣсто?

— Мало ли чего, заняли! здѣсь для господъ нужно,—отвѣтилъ онъ, тономъ, видимо не допускавшимъ никакихъ опроверженій, продолжая выпроваживать новый субъектъ въ тулупъ.

— Но кто же вамъ далъ право такъ распорядиться?—замѣтили ему, уже съ нѣсколькихъ сторонъ разомъ.

На это квартальный ничего не отвѣчалъ, и только, попрежнему, новой жертвѣ своей все указывалъ на двери, но, не найдя на этотъ разъ безпрекословнаго повиновенія, уgomонился, что-то бормоча про себя, вѣроятно негодуя на наше неумѣстное вмѣшательство.

Физиономія нашего доблестнаго квартальнаго была очень обыкновенная, не только дюжинная, но даже, если можно такъ выразиться, сотенная, тысячная: она была простовата, серьезна и неподвижна; на его довольно мясистомъ лбу, прорѣзанномъ глубокими горизонтальными морщинами, какъ и на всемъ лицѣ его, такъ и вывѣшивалось: «приказано; не наше дѣло разсуждать». Вообще же онъ, какъ мнѣ казалось, былъ болѣе способенъ для мирныхъ занятій, чѣмъ для преслѣдованія тулуповъ, и преслѣдовалъ ихъ потому, что считалъ это обязанностию своей службы. Я заинтересовался собрать о немъ отъ моихъ сосѣдей кой-какія свѣдѣнія, и узналъ только, что онъ изъ фельдфебелей кадетскаго корпуса, который впрочемъ далъ уже здѣшней полиціи не одного ревностнаго чиновника, и по преимуществу чиновника-служаку, съ ногъ до головы, привыкшаго въ теченіи многолѣтней службы исполнять всѣ приказанія, если можно такъ выразиться, съ радостью, никогда не разсуждая, съ совершенною точностью и безпрекословно. Этотъ-то господинъ, съ своею каской на рукѣ, торчалъ теперь между нами, туно посматривая на всѣ стороны, вездѣ ища безпорядка, который бы потребовалъ его толковаго вмѣшательства.

Вотъ то происшествіе, о которомъ я счелъ нужнымъ заявить печатно.

Спрашивается теперь—стоитъ ли все это серьезнаго разсужденія?

Стоить ли того, чтобъ изъ-за какихъ-нибудь двухъ трехъ, ни за-что ни про-что выведенныхъ изъ церкви тулузовъ, списывать нѣсколько листовъ бумаги, просить о напечатаніи, занимать такими, можно сказать, пустяками мѣсто въ почтенномъ журналѣ; быть-можетъ въ ущербъ чему-нибудь болѣе интересному? Для кого это можетъ быть занимательно? Неужели такія мелкія происшествія, въ какомъ-нибудь провинціальномъ городишкѣ, заслуживаютъ право на вниманіе цѣлой Россіи? Не есть ли это своего рода мелкое тщеславіе, что дескать и у насъ кое-что замѣчательное, не лишенное общаго интереса, да случается? Не прамѣ ли, не легче ли, не полезнѣе ли было бы для самого дѣла, чѣмъ подымать изъ пустяковъ бурю въ стаканѣ, рассказать обо всемъ этомъ, напримѣръ, хоть полиціймейстеру и попросить его, чтобъ онъ не оставилъ того и другого безъ должнаго, съ кого слѣдуетъ, взысканія? У насъ теперь, и въ-особенности послѣ опубликованной исторіи г. Якушкина съ г. Гемпелемъ, навѣрно, полиціймейстеры люди вполнѣ понимающіе свои обязанности, можно-сказать, просвѣщенные, которые не потерпятъ поступковъ, подобныхъ здѣсь описаннымъ. Наконецъ, еслибъ и съ этой стороны встрѣтилось неудовлетвореніе чьихъ-либо справедливыхъ жалобъ, въ такомъ крайнемъ случаѣ, навѣрно, можно было бы, собравшись, для большей достовѣрности, человѣкамъ пяти-шести, видѣвшимъ происходившее въ церкви, прямо отправиться къ начальнику губерніи: и онъ, конечно, — въ томъ нѣтъ да и не должно быть никакого сомнѣнія — былъ бы очень благодаренъ всякому, кто открылъ бы ему, такъ-сказать, домашнимъ образомъ, невидимыя ему, неправильныя дѣйствія полиціи. Онъ, вѣроятно, въ случаѣ нужды, велѣлъ бы дѣло это разслѣдовать самымъ добросовѣтнымъ и самымъ тщательнымъ образомъ. А то... печатать! Чтó за страсть все оповѣщать, все, безъ разбора, предавать гласности?

Да, хорошо, конечно, было бы, безъ большого шума, кончать дѣла такимъ образомъ. Я и самъ того мнѣнія: что о каждомъ происшествіи, гдѣ страдаетъ чья-либо личность отъ непониманія или произвола разныхъ исполнителей, слѣдовало бы каждый разъ безотлагательно доводить до свѣдѣнія начальства и тѣмъ, такъ-сказать, прекращать зло на мѣстѣ. А еще бы лучше, конечно, чтобы совѣтъ никогда и нигдѣ не страдала ничья личность, отъ чьего бы то ни было непониманія и произвола.

Но развѣ въ томъ вопросъ? Развѣ вопросъ въ Иванѣ, Семенѣ,

Петръ, здѣсь именно, такого-то именно числа выведенныхъ изъ такой-то церкви? Или вопросъ разѣ въ такомъ-то Трифонѣ и Кузьмѣ, дозволившихъ себѣ грубо-невѣжественное обхожденіе съ простымъ народомъ? Въ самомъ началѣ своей статьи, мы, кажется, заявили, въ чемъ заключается существенная важность описаннаго нами случая, конечно мелкаго, можно сказать даже—микроскопическаго. Важность не въ томъ или другомъ отдѣльномъ лицѣ, не въ той случайной подробности, какою, въ данномъ мѣстѣ и времени, обстановилось событіе, а въ его характерѣ; важность въ той безотчетности, съ какою можно еще у насъ обращаться съ лицомъ; важность въ привычкѣ къ этой безотчетности; важность въ правахъ, которые отчасти ее поддерживаютъ и питаютъ. И объ этомъ не сказать ни слова? и это не стоить того, чтобъ оповѣстить во-всеуслышаніе! Фактъ мелокъ, микроскопиченъ, это правда. Да не отъ того ли такіе факты у насъ и существуютъ и повтореніе ихъ возможно, что они считаются за пустые, за мелкіе, за микроскопическіе? Оскорбитъ кто-нибудь лицо сколько-нибудь видное, да и выберетъ форму оскорбленія показистѣе,—что и говорить—все раскричится и наполнится негодованіемъ. Но вѣдь такіе же случаи рѣдко и бываютъ. А вотъ всмотритесь-ка въ то, что уже за привычку, что такъ мелко, что уже и въ глаза не бросается, а что между тѣмъ совершенно въ насъ вѣлось, и въ то же время заключасть въ себѣ такъ много глубоко-оскорбительнаго и унижительнаго... Вотъ объ этомъ-то внимательно подумать и поговорить стоить: чѣмъ же иначе и воспитаются нравы и перемѣнятся привычки?

В. Лобода.

29 марта 1861 г.

Полтава.

ОТЧЕГО ПРОПОВѢДЬ ИНОГДА БЫВАЕТЪ БЕЗСИЛЬНА.

Въ *Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* напечатано любопытное писемъ сельскаго священника А. П. Вотъ оно:

При исполненіи христіанскихъ требъ, я старался внушать моимъ прихожанамъ, какъ вредно излишнее употребленіе горячаго вина. Неоднократныя внушенія мои увѣнчались наконецъ полнымъ успѣхомъ. Однажды приходятъ ко мнѣ три почетнѣйшіе прихожаніина, и просятъ, отъ имени всего общества, придти въ сельскую расправу.

Немедленно прихожу, и спрашиваю о причинѣ ихъ собранія. Мнѣ отвѣчаютъ: «Благодаримъ васъ, батюшка, за неоднократныя убѣжденія ваши о прекращеніи въ нашемъ обществѣ пьянства. Мы наконецъ убѣдились, что все зло между нами происходитъ отъ излишняго употребленія водки, а потому и рѣшились совершенно оставить пить ее. Но чтобы наша общая, добровольная рѣшимость была ненарушима, то мы покорнѣе просимъ васъ, батюшка, въ слѣдующій воскресный день привести насъ всѣхъ къ присягѣ, и отслужить Господу Богу молебствіе». Я объяснилъ имъ, что къ присягѣ приводить ихъ по этому дѣлу совершенно излишне, и притомъ просилъ ихъ поусерднѣе помолиться Господу Богу о томъ, чтобы онъ оградилъ ихъ отъ нападенія врага, который, сказалъ я имъ, немедленно начнетъ ратовать противъ нихъ, за это доброе, истинно-христіанское ихъ намѣреніе. И не замедлилъ врагъ начать свои дѣйствія!

«Черезъ два или три часа послѣ свиданія моего съ прихожанами, пріѣзжаетъ ко мнѣ главноуправляющій питейною конторой, и объявляетъ, что прихожане мои—бунтовщики (собственные слова его), а я—ихъ предводитель. При этомъ онъ не преминулъ замѣтить мнѣ, что если мои прихожане перестанутъ пить водку, то этимъ сдѣлаютъ великій подрывъ государственнымъ доходамъ, возносимымъ откупщикомъ, а такъ—какъ я внушалъ имъ прекратить пьянство, то, говорилъ онъ, васъ будутъ судить, какъ государственнаго преступника.

«Терпѣливо выслушавъ приговоръ, я пригласилъ главноуправляющаго конторою выйти изъ моего дома. Послѣ сего, онъ вдругъ перемѣнилъ тактику, предлагая мнѣ 100 р. ср. и безденежный отпускъ вина изъ конторы, за то только, что я не буду слѣдить за исполненіемъ даннаго мнѣ прихожанами обѣта. Услышавъ въ другой разъ то же требованіе оставить меня, онъ удалился. Вскорости послѣ него, пріѣзжаетъ ко мнѣ начальникъ волости, благодарить меня (искренно, повидимому) за мои заботы о нравственности моихъ прихожанъ, восхваляетъ ихъ доброе намѣреніе, и тутъ же приказываетъ сельскому старшинѣ немедленно выслать въ волостную расправу двѣнадцать человѣкъ, первѣе рѣшившихся оставить пьянство, для выслушанія за то особенной благодарности. Но мужички заблагоразсудили, что лучше выслушать особенную благодарность отъ волостнаго начальника не двѣнадцати только человѣкамъ, а всему обществу, рѣшившему изгнать изъ среды себя нетерпимѣйшій порокъ; итакъ къ

волостному начальнику отправилось болѣе 400 человекъ. Видя такое множество жаждущихъ благодарности, волостной начальникъ приказалъ двѣнадцать человекъ изъ этой массы за карауломъ отправить въ окружное управленіе.

«Устрашенные этимъ приказомъ, прихожане мои приходятъ ко мнѣ за совѣтомъ. Я сказалъ имъ, что, сдѣлавъ доброе дѣло, они не должны бояться, а напротивъ, явившись начальству и обстоятельно разсказавъ ходъ дѣла, они должны ожидать непременно благодарности. На другой день, семь человекъ почетнѣйшихъ здѣшнихъ жителей рѣшились явиться въ окружное управленіе, гдѣ немедленно, по приказанію г. окружнаго командира, были посажены за рѣшетку, какъ преступники. Извѣстіе объ арестованіи этихъ почетнѣйшихъ семи прихожанъ немедленно разнеслось въ селѣ, и прихожане мои, а наипаче семейства заключенныхъ въ тюрьму, рѣшительно упали духомъ; кромѣ того, и здѣсь почти ежедневно требовалось въ волостную расправу неменѣе двѣнадцати человекъ, которымъ волостной голова и писарь, конечно — подкупленные уже конторой, объясняли, какъ велико ихъ преступленіе и какому они современемъ подвергнутся наказанію. Не излишнимъ считаю замѣтить, что волостной начальникъ при подобныхъ увѣщаніяхъ лично не присутствовалъ, а дѣйствовалъ чрезъ вышеозначенныхъ голову и писаря, что и видно изъ его форменнаго ко мнѣ отношенія.

«Ежедневно получая отъ моихъ прихожанъ свѣдѣнія о безсовѣстныхъ дѣйствіяхъ волостнаго головы и писаря, я обратился къ начальнику волости съ покорнѣйшею просьбой о томъ, чтобы онъ прекратилъ такое дѣйствіе своихъ подчиненныхъ. Формальною бумагой онъ не замедлилъ извѣстить меня между прочимъ и о томъ, что на основаніи 2025 ст. закона, — за то, что называлъ я дѣйствіе головы и писаря безсовѣстными, подлежу заключенію въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года; послѣ заключенія я обязанъ испросить у обиженныхъ прощеніе, а буде пожелаютъ, то уплатить имъ безчестіе.

«Таковъ результатъ заботъ моихъ объ искорененіи въ приходѣ самаго нестерпимаго порока!

«Какое, послѣ этого, нравственное наставленіе могу я преподать моимъ прихожанамъ, знающимъ по опыту, что наставленія волостнаго головы и писаря дѣйствительнѣе и справедливѣе моихъ?

«Прихожане мои, послѣ вышеописанныхъ испытаній, начинаютъ

опять употреблять горячее вино — и, къ прискорбію, въ большей прежняго мѣрѣ. Теперь какъ ни стараюсь внушать имъ, чтобы воздерживались отъ излишняго употребленія водки, но вижу, что всѣ мои убѣжденія—гласъ вопіющаго въ пустынь!»

САРАНЧА ВЪ КІЕВСКОЙ И ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ.

Г. Руккертъ сообщаетъ, отъ 24 іюня, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, слѣдующія свѣдѣнія. Проѣхавъ уѣзды Кіевскій, Васильковский, Сквирскій, Бердичевскій, Литинскій, Летичевскій, Проскуровский, Каменецкій, Ушицкій, Могилевскій и Винницкій, г. Руккертъ убѣдился, что зимніе и весенніе холода, вопреки ожиданіямъ, не истребили сѣменъ саранчи, а только отдалили ея вырожденіе, такъ что она начала выходить въ послѣднихъ числахъ мая и въ началѣ іюня. Обыкновенно думаютъ, что сѣмена саранчи сохраняются въ почвѣ твердой и пропадаютъ въ рыхлой землѣ; но въ настоящее время она вышла преимущественно на поляхъ, перепаханныхъ минушею осенью, на которыхъ яички ея считались совершенно истребленными. Саранча стала выходить прежде изъ тѣхъ яичекъ, которыя лежали ближе къ поверхности земли и, слѣдовательно, были пригрѣты солнцемъ. Только что вышедшая саранча — цвѣта сѣраго, величиной не больше обыкновенной мухи, но растетъ очень скоро, цвѣтъ ея темнѣетъ и вскорѣ доходитъ до очень темносѣраго, почти чернаго, а потомъ, когда саранча подрастетъ, она становится краснаго или, скорѣе, оранжеваго цвѣта; эта саранча бываетъ около дюйма величиной, но еще пѣшая; только на четвертой недѣлѣ послѣ вырожденія, начинаютъ показываться у нея крылья. Такъ какъ на одномъ и томъ же полѣ саранча выходила послѣдовательно въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени; то въ одномъ и томъ же мѣстѣ она была разнаго цвѣта и разной величины. На какомъ именно пространствѣ она появилась, г. Руккертъ въ точности не опредѣляетъ; но рассказываетъ, что до 3 іюня, въ одномъ Каменецкомъ уѣздѣ, молодая саранча появилась на поляхъ пятидесяти одного селенія; въ десяти селеніяхъ Васильковского уѣзда она вышла на пространство 3,400 десятинъ и, кромѣ того, появилась, въ довольно-значительномъ количествѣ, въ девяти другихъ селеніяхъ; въ Бердичевскомъ уѣздѣ, она

находитесь на поляхъ тридцати трѣхъ селеній, на пространствѣ 3,250 десятинъ; полоса, занятая саранчой, тянется въ этомъ уѣздѣ по границѣ Винницкаго, Липовецкаго и Сквирскаго уѣздовъ, на протяженіи до семидесяти верстѣ въ длину и около двадцати пяти верстѣ въ ширину, съ промежутками.

Для истребленія саранчи употребляются слѣдующіе способы: мѣста, гдѣ она появляется, окапываются рвами, глубиною около аршина; во рвахъ настиляется немного соломы, и затѣмъ въ нихъ гонятъ метлами саранчу, которую снова покрываютъ небольшимъ слоемъ соломы, потомъ опять гонятъ саранчу, такъ что въ одномъ рву образуется нѣсколько слоевъ соломы и саранчи; солома закигается и перемѣшивается нѣсколько разъ палками, для того, чтобы находящаяся во рву саранча могла сгорѣть или по крайней мѣрѣ изжариться. Нужно замѣтить, что она необыкновенно живуча: окунутая на мгновеніе въ кипятокъ, она черезъ два часа приходитъ въ себя; живетъ съ обгорѣлыми ногами; на мягкомъ грунтѣ ее невозможно растоптать, она вдавливаясь въ землю и чрезъ нѣсколько времени выходитъ оттуда снова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ саранчу не жгутъ, а, вогнавъ во рвы, утаптываютъ плотно особыми колотушками похожими на тѣ, которыя употребляются при утрямбовкѣ дорожекъ въ садахъ; потомъ прикрываютъ ее толстымъ слоемъ земли, которую также крѣпко утаптываютъ.

Какъ только саранча забралась въ хлѣбъ, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ пропасть; если она не успѣетъ его съѣсть, то его или надобно скосить, или его вытопчутъ люди, которые гонятъ саранчу. Въ жаркое время дня саранча особенно подвижна и уходитъ отъ малѣйшаго шума, и потому тогда ее легко бываетъ загонять во рвы; но съ пяти часовъ ее уже трудно согнать съ мѣста. Домашнія животныя и птицы, собаки, свиньи, индѣйки, куры, ѣдятъ саранчу очень охотно.

Убытки отъ саранчи огромны; сюда относятся, кромѣ поѣденнаго хлѣба, цѣна всей работы, употребленной на истребленіе саранчи, и соломы, израсходованной для сожиганія саранчи, стоимость уничтоженныхъ поѣтвовъ и наконецъ убытки, причиненные въ хозяйствѣ недостаткомъ рабочихъ силъ, которыя все направлены противъ этого ужаснаго врага. Къ сожалѣнію г. Руккертъ приводитъ очень неутѣшительные примѣры, доказывающіе равнодушіе нѣкоторыхъ личностей къ общему бѣдствію. Уѣзды, гдѣ появилась саранча, раздѣлены на

участки, изъ которыхъ въ каждомъ, для истребленія ея, назначены особые распорядители изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и управителей болѣе значительныхъ имѣній. Въ одной изъ деревень богатаго помѣщика А. саранча вышла на пространствѣ восьми десятинъ; этотъ помѣщикъ, ежегодные доходы котораго составляютъ не менѣе ста тысячъ руб. ср., имѣлъ полную возможность истребить саранчу собственными средствами, и даже оказать содѣйствіе менѣе зажиточнымъ сосѣдямъ; но, къ несчастію, въ участкѣ, къ которому причислено имѣніе этого почтеннаго помѣщика, распорядителемъ для истребленія саранчи назначенъ его же управитель. Онъ немедленно распорядился вытребовать въ управляемую имъ деревню рабочихъ и солому изъ окрестныхъ селеній, даже не принадлежащихъ къ его участку, и, конечно, истребилъ у себя саранчу; но у его незажиточныхъ сосѣдей, помочь которымъ прежде всего было прямою обязанностію распорядителя, саранча успѣла, между тѣмъ, совершенно истребить посѣвы. Въ другомъ участкѣ, къ богатому помѣщику распорядитель прислалъ требовать соломы, для сожиганія саранчи на поляхъ его сосѣдей; у самого этого помѣщика саранчи не было вовсе, а соломы горы; но онъ не исполнилъ требованія распорядителя. Подъ предлогомъ отсутствія самого помѣщика, супруга его, распоряжающаяся полновластно имѣніемъ, объявила посланнымъ, что не считаетъ себя вправѣ исполнить требованіе, но по экстренности дѣла подѣ своею отвѣтственностію (конечно—передъ супругомъ) разрѣшаетъ взять четыре воза соломы, тогда какъ несравненно меньшія имѣнія послали, на гораздо болѣе значительное разстояніе, по пятидесяти возовъ. Наконецъ, иные, сберегая свои рабочія силы, перегоняли саранчу съ своихъ полей на поля сосѣдей, и одинъ, у котораго саранча вышла на полѣ невспаханномъ и незасѣянномъ, загналъ ее къ сосѣду въ пшеницу, которую, вслѣдствіе этого, необходимо было ско- сить... Это ужасно!

НОВЫЙ СПОСОБЪ КОВКИ ЖЕРНОВОВЪ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ открытъ новый способъ ковки жернововъ, съ помощью котораго, при одинаковой силѣ, значительно увеличивается размоль, и мука выходитъ изъ-подъ жернововъ

гораздо холоднѣе. На это остроумное изобрѣтеніе взята привилегія и въ Россіи, изобрѣтателемъ г. Бродвелемъ и компаньонами его гг. Грантомъ и Рейтомъ. Сообщаютъ, что методъ г. Бродвеля уже употребляется на крупчаткахъ г. Полежаева въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи и г. Смольянинова въ Муромскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, а равно и въ С.-Петербургѣ на Гутуевской мельницѣ г. Бенардаки. Этотъ способъ даетъ выгоды 50% во времени размолу, то-есть прежняя работа цѣлыхъ сутокъ оканчивается въ 16 часовъ. Удобства новойковки жернововъ состоятъ въ томъ, что она не требуетъ никакой перемѣны въ механизмѣ мельницы и приводовъ и никакого особеннаго искусства со стороны рабочихъ. Желаящіе испытать это изобрѣтеніе могутъ сдѣлать это безъ всякихъ предварительныхъ издержекъ. Лишь послѣ того, какъ превосходство новойковки будетъ вполне доказано на одномъ или двухъ поставкахъ, владѣльцы мельницъ платятъ по 200 р. с. съ каждого поства, и притомъ только въ томъ случаѣ, если будетъ дѣйствительно сберегаться 8 часовъ времени въ сутки; если же выгода во времени будетъ менѣе, то плата соразмѣрно понижается. «Мы сочли полезнымъ,» пишетъ Русскій Вѣстникъ, «сообщить объ этомъ изобрѣтеніи, такъ какъ улучшенія въ устройствѣ мельницъ и удешевленіе размолу имѣютъ большое значеніе для русскаго сельскаго хозяйства. За болѣе-подробными свѣдѣніями можно обращаться къ Р. А. Гранту въ конторѣ Робертса и Говарда въ Москвѣ, у Харитонія въ Огородникахъ, въ домѣ Комарова.

ОБ'ЯСНЕННЯ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

VIII. *Бабўся*, рисованная съ натуры К. А. Трутовскимъ.

IX. *Тимішъ Сапѣнко*—чумаць изъ Хороля, рисованный съ натуры тоже К. А. Трутовскимъ.

X. *Чумаць*—рисованный И. И. Соколовымъ. Всѣ три рисунка гравированы мною.

Л. Ж.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Въ VIII книжці *Основи* ми почнемо рядъ народнихъ оповіданій, (чи—якъ мовляе *Ст. Д. Нісъ* «прівістей,») високоповажнихъ: *Тиміша Коломацького*, *Ст. Д. Носа*, *Митра Омельковича*, *Василія Тищенка* и інші. Зъ VIII книжки почнемо и печатъ *дієписнихъ* и *праведнихъ* *актівъ*.

М. М. Левченко приславъ намъ поспитъ народніє землєписі (*Русїнська Родина*); *Ст. Д. Нісъ* и *А. Савичъ* де-що зъ лікарської и рослинної науки, такожъ про ліса и про саді. Не забаромъ напечатємо їхъ полезний трудъ въ *Основахъ*, и певно не ми одні подякуємо одъ щірого серця високоповажнимъ народолюбцямъ.

Одъ *Василія Степановича Кулика*, зъ *Полтави*, ми одібрали теплі и гарні стихи: 1, *Моя Дбля*, 2, *Въ мене серце до любови*, 3, *Веснянки*, 4, *Весна на хуторі*, 5, *Україна до своїхъ синівъ*, 6, *Загублені Душі*, 7, *Захожий Косарь*, и 8, *Весела Удова*. Посилаємо одъ себе и одъ іншихъ земляківъ сердешний привітъ, и напечатємо якъ найскоріше.

Петру Семеновичу Кузьменку. Не нашою виню сталося, що досі не напечатані Ваші стихи и оповіданне: «*Не такъ ждалося, да такъ склалося*». По щирій правді Вамъ говоримо: *не такъ и у насъ ждалося*. Ваші душевні речі ми истинно цінимо, и въ докопєшнє напечатємо, въ ближній книжці.

Уваги надъ инъ-якими словами Української мови, доставленні намъ *М. М. Левченкомъ*, *Митромъ Омельковичемъ* и другими, напечатують въ VIII або IX книжці. Раді бъ були ми получити їхъ якъ найбільшъ: теперъ въ кожній книжці вони найдуть для себе місце.

Олександру Яковлевичу Коніському, въ Полтаву. «Самка» и *«Спафарієву Рудку»* ми одібрали зъ щирою дякою, а напечатано якъ буде можна. *«У киріяхъ, у бриліяхъ»* теперъ, безъ нащої вини, напечатано не буде.

Дм-тр-ю П-вл-чу П-ч-к-ву. Правду, велику правду Ви сказали, да не всю, бо не все Вамъ відоме. Ми стараємось запобігати, и по малу зробимо все, чого Ви справедливе бажаєте. Запоминайте насъ своєю радою, а ми Вамъ всю правду опишемо.

А-кс-ю К-р-л-вичу А-ч-му и О. Н-ію, въ Сумы. Петерпільно ждемъ исполненія Вашего, памятнаго намъ, обіщанія.

Ф. В-р-н-н-ву, въ Александровку. Статті ваші: *Упадокъ Сербской народности въ Новороссіи* и *Возрожденіе Южнорусской*, будуть, при первой возможности, напечатаны, и желанія Ваши—исполнены. Просимъ быть нашимъ корреспондентомъ.

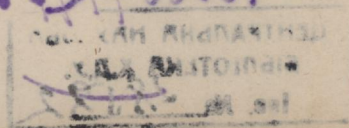
А-у Θ-ф-чу К-ст-ку, въ Одессу. 6 рублівъ оддано куді слідъ. Дякуємо за добрі речі, и порадуємось, коли получимо одъ Васъ ище не одінь листъ про свої діла и громадські.

«Максиму Чорному». Дѣ правда? и Трете письмо съ праваго берега Днѣпра нами получены; Ваше требованіе будетъ исполнено.

П. П. Чубинському въ Борішполь. Статті Ваші: *Изъ Борисполя* и *Полуковщина* будутъ скоро напечатані, а за обіщанку подати звістку, про народні школи и обѣ дворакаѣ дуже дякуємо.

Г. Т., въ Києвъ. Стаття Ваша «о первоначальномъ обученіи на народномъ языкѣ», не можетъ быть напечатана по особеннымъ причинамъ.

10110 200

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 7-й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Бавитись—проводить время, забавляться,

Бѣшкетъ — беспорядокъ.

Бійка — драка.

Ближченко — поближе

Бровенята—(уменьшит.) брови.

Бузувирівъ—басурманскій.

Великомовний — многоглаголивый, говорливый.

Вибрикувати—подпрыгивать, подскакивать, шалить.

Видрюкувати—отпечатать.

Виняти—вынуть.

Відвалати — привести въ чувство, возвратить назадъ, отменить.

Видко—видно.

Відгадати—отгадать.

Відізнатись—отозваться.

Віскъ—воскъ.

Відки—откуда.

Вздріти—усмотрѣть, замѣтить.

Вовна—овечья шерсть.

Ворожбітъ—колаунъ.

Вростіть—(броситься) вразногычку, въ разныя стороны.

Вразити—уязвить.

Втривожитись—встревожиться.

Вулиця—улица.

Га?—а, что?

Гава—ворона.

Ганиба—презрѣнье, издѣванье.

Гангувати—вышивать.

Гарчати—ворчать (о собакахъ).

Горпина—Агрипина.

Гучний—громкій, звучный, звонкій.

Дівувати—пребывать въ дѣвическомъ.

Дідизна—дѣдовщина, старина.

Джинджиглястий — вертялый, франтовскій, кокетливый.

Вивожати — выводить.

Джѹра—оруженосецъ, слуга козацкій.

Дѹрникъ—дурачекъ.

Доба—пора.

Дѹти—догѣть поръ.

Дудіти—гудѣть, играть.

Живжикъ—вертялый, хватъ; пульсъ.

Завдѣтий—отданный; закабаленный.

Закопѣлити (гѹбу) — надуться, — съдѣлать недовольную мину.

Займати — трогать, захватывать, забирать (скотину, пасущуюся на чужой землѣ).

Збаламѹтитись — возмутиться, вознегодовать.

Злюбити—полюбить.

Зъ—необѣчка—печально; неожиданно.

Изгаснути—потухнуть.

Карбовати—разрѣзывать; анатомировать.

Клапоть—кусокъ.

Кулішъ—жидкая кашница.

Ладки—въ ладоши (бить).

Лішко—(умен.) бѣда.

Ліжокъ—кровать.

Малѣваний—росписанный, разрисованный.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУЧНА

БІБЛІОТЕКА ХДУ.

Іnv. № 28182

Мёрхнути—темнѣть.
Мнякѣсенькій (умен.)—мягкій.
Молодикъ — молодой человѣкъ, и
молодой мѣсяцъ на небѣ.
Мурѣля—морель.

Навсто́пужитись—наѣжиться, взъ-
ерошиться.

Надо́ложити — возме́стити, возна-
градить.

Негі́дь—негодное, гадкое.

Нисе-ні́тниця—чепуха, вздоръ.

Нові́на — новость; первые плоды и
огородные овощи.

Ну́мо — (отъ ну, множ. ч.) — ста-
немъ—(что-нибудь дѣлать).

Одві́тувати—отвѣчать.

Окро́мь—кромя.

Окса́на—Ксенія.

Опа́суватись — опасаться.

Опереза́тись—опоясаться.

Па́гонці—отростки.

Па́лко—пылко; жарко.

Перво́лѣтокъ—юный, первыхъ лѣтъ.

Печері́ця—шампиньонъ.

Печі́нка—печенка.

По́вень — полонъ.

Повни́й—полный.

Плі́мкати — производить звукъ гу-
бами (во время ѣды).

Побре́хѣнка — небылица; басня.

Пога́нець — недобрый; негодный.

Полиско́тати—пощекотать.

Пома́рніти — исхудать; подурнѣть,
постарѣть.

Посковзну́тись—поскользнуться.

Пошта́рь — почталіонъ.

Пошу́руду́рити—пошалить; поду-
рачиться.

Приблѣ́дний—захожий.

Прима́ндрува́ти — придти не зная
откуда.

Прі́мха — прихоть.

Приста́вати — утомляться; выби-
ваться изъ силъ.

Пройди́світъ — пройдоха.

Ро́спачъ.—отчаяніе.

Рібо́нька—(ласкат.) рыба.

Рі́зпикъ—мясникъ.

Розго́рну́ти — развернуть.

Росча́хну́ти — разодрать (о деревь
и скотинѣ), напр. росчехнувъ яблоню;
росчехнувъ вѣтъ; отворить (дверь).

Сара́на — сарапча.

Све́рдликъ—буравчикъ.

Све́рдель — буравъ.

Серде́шний—сердечный.

Скі́лькось — сколько-то.

Сотни́ківна — дочь сотника.

Спога́дати—вздумать, вспомнить.

Столо́вникъ — нахлѣбникъ.

Сці́пити — сильно сжать.

Та́тонько—(ум. ласкат.)—бабушка.

Той—тотъ.

Тро́ха—немного.

Тру́нчикъ—(гру́на) — гробикъ.

Ту́тешній—здѣшній.

Укро́ма — уютное мѣсто; отдѣльная
часть.

Усю́ди — вездѣ.

Уторо́пати—понять, разобрать, до-
гадаться.

Ха́рпизія́ка—(бранное слово)—раз-
бойникъ.

Хо́лоднісі́нький (умен.) — холод-
ный.

Ху́рува́ти—перевозить кладь.

Чві́ркнути — брызнуть сильно.

Чому́сь—почему-то.

Шпетне́нько—акуратно (?)

Штирхо́ну́ти — сильно уколоть;
пронзить.

Шутко́вати — шутить.

Що-вѣ́чора—каждый вечеръ.

Які́йсь — какой-то.

Ялі́на—ель?

Ялови́чина—коровье мясо.

